

ЕВРЕЙСКИЙ ЧАМЕРТОЧ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

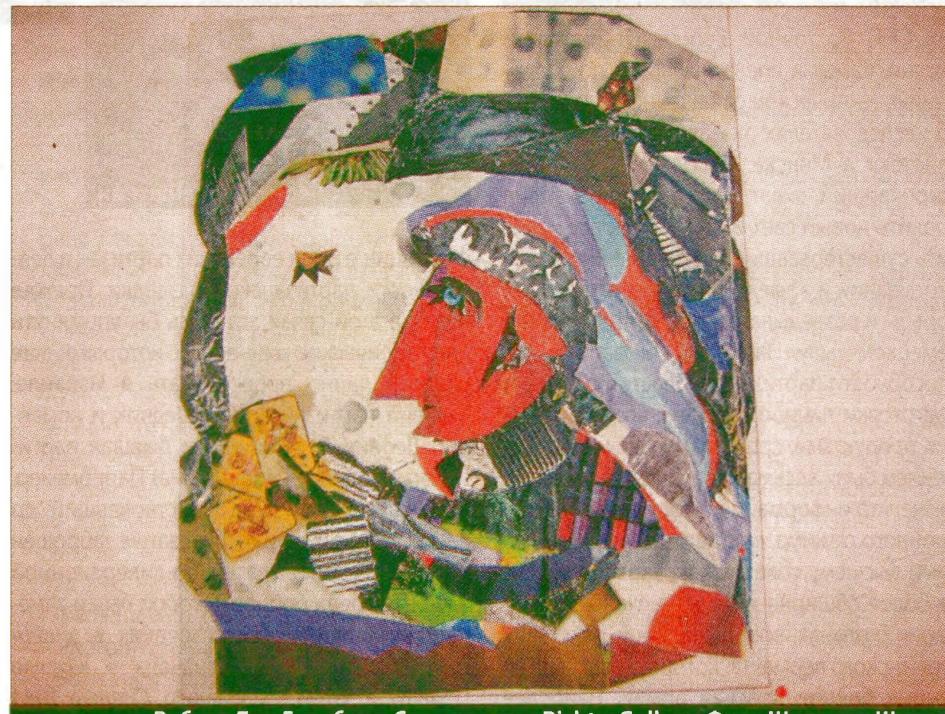
Шуламит ШАЛИТ

Так совпало. Сначала по подсказке посмотрела фильм Яира Кедара, посвященный Леи Гольдберг. "Литературная держава" - называет ее там один известный израильский литературовед. Сначала это вызвало улыбку. "Ты сама себе держава. Ты сама себе закон..." - неужели читал Марию Петровых, именно так назвавшую Анну Ахматову. В нашем случае речь о том, что Лея Гольдберг (правильно - Леа, но с таким окончанием не склоняется, поэтому мы используем орфографию русского языка, да мы, собственно, так и произносим - Лея) - поэт, прозаик, писала для взрослых и для детей, критик, литературовед, переводчик, лектор, почти 20 лет преподаватель литературы в Иерусалимском университете.

Затем, 23 ноября 2017 года, в банке нам выдали новеньющую (одну!) купюру в 100 шекелей и на ней фотография Леи Гольдберг. Можете не верить, но сердце сжалось. "Платить" ею не могла, с неделю держала купюру как сувенир... Портрет Леи Гольдберг на деньгах? (Купюры в 20 шекелей, с портретом другой поэтессы, Рахель, я тогда еще не видела). Что-то смущало. Вдруг вспомнила, что Андрей Вознесенский требовал убрать Ленина с денег... Сколько шума было! Не помните, потому что молодые. Можно повторить шутку одного таксиста: "Что - жалко отдавать Лею Гольдберг в чужие руки?" Когда внимательно рассмотрела купюру, оценила и вкус и чуткость работы дизайнера (ее зовут Оснат Эшель): такое родное и милое, в профиль, лицо одной из лучших израильских лирических поэтесс - на фоне нежных цветов миндалевого дерева. А на обороте обнаруживаю две цитаты из стихотворений, давно ставших песнями, знаменитыми и любимыми. Справа название "Ямим леваним..." ("Белые дни", перевод - ниже), а слева - изображение: две юные косули - иллюстрация к стихотворению "Ма осот а-аялот?" ("Чем заняты косули?", иногда вместо косуль - "ланы" или "газели", но переводов не нашла, а косуль видела в лесу Рамот, под Иерусалимом). Вот таких, как эти две... Чудо, что выжили после пожара...

И третье совпадение. Мы встретились в городе с моей внучкой, сходили в мое "тайное" кафе возле рынка "Кармел" (с улицы вроде бар, но на стене рядом надпись: "ВХОД В САД", захудалое местечко с

РАЗ ПОЗВОЛЕНО ЖИТЬ - НУЖНО ЛЮБИТЬ

Работа Леи Гольдберг. С выставки в RichterGallery. Фото Шуламит Шалит

кривыми старыми деревьями, но уютно!), а потом улочками-переулочками она вывела меня к морю, и мы пошли по набережной вверх, к остановке моего автобуса. По дороге рассказывает, что писала в школе сочинение о песне "А-умнам" ("Неужели?"). "Знаешь эту песню? - Знаю, в оригинале, у Леи Гольдберг "Ат тилхи бэ-сад" ("Выйдешь в поле"). "Эмет (верно), кого она любила, ее не любили, "вэ-каав ла" (ей было больно), да? (стараюсь проглотить волнение). Она продолжает: "Так я связала ее боль, у нее ведь не было ни мужа, ни ребенка, с болястью Момо, ты читала книгу Ромена Гари про мальчика, у которого никого нет, он живет среди таких же брошеных детей у бывшей парижской зоны (проститутки), узнает, что его мать жива, но к нему никогда не приходит... Так вот, я связала их боль..."

Я решилась рассказать об этом, потому что за неделю до нашей "личной" встречи после субботней трапезы мы, взрослые, обсуждали наше "бедное" поколение внуков, которое ничем, кроме электронных игр, не интересуется. "Они

же не знают, кто такой Сократ! А Рембо, Верлен?" - Тата, но физику и математику мы знаем лучше вас! - хмуро бросила внучка, не отрывая взгляда от мобильника. Спасибо за прогулку, Гаюшка...

Придя домой, я нашла песню "А-умнам" в исполнении Хавы Альберштейн (моя внучка любит Каролину!), с которой начался разговор с внучкой (музыка Хайма Баркани), в Ю-тюбе, стала искать перевод стихотворения Леи Гольдберг "А-умнам" на русском, нашла его, и восхитилась и переводом Алекса Тарна, и тем, что текст чудесно ложится на музыку (есть и другой хороший перевод Елены Бандас). Но это Алекс Тарн:

Неужели настанет пора
всепрощенья и света,
и ты вступишь на луг
и пойдешь по нему босиком
в мягкой ласке травы,
в забытье сенокосного лета
как беспечная странница
с легким своим узелком.

И живительный дождь
по-приятельски хлопнет рукою
по плечу, по спине,
улыбнется и будет таков.
И по влажному полю
пройдешь к тишине и покою,
неизбытным, как свет,
что растет по краям облаков.

Томный запах земли,
борозды приоткрытые губы,
в желтом зеркальце лужицы -
солнечных зайчиков прыть...
И все вещи и смыслы просты,
ощутимы и грубы,
и дозволено жить, и возможно,
и нужно любить.

Ты пройдешь по полям -
одинока, не тронута болью
придорожных пожаров
и драк над кровавым куском.
Ты пройдешь по полям,
вся светясь простотой и любовью,
как листок, как травинка,
как капелька в море людском.

Так я вернулась к Леи Гольдберг, в тот город, где и самой довелось родиться - почти через три десятилетия. Но и дома, и улицы, и набережную Немана, и сосны в пригородах, Панемуне и Бирштонасе - все, что видела и помнила она, так мне близко и понятно. Вообще-то Лея Гольдберг родилась не в Каунасе, а в Кенингсберге, но вскоре после рождения дочери семья переехала именно в Каунас (тогда Kovno), поэтому первой своей родиной считала Литву... Прожила она на свете неполных 59 лет, родилась весной, 29 мая 1911 года, покинула этот мир зимой 15 января 1970-го.

Годы Первой мировой войны прошли для родителей, Цили и Авраама Гольдбергов, и для их девочки в скитаниях (Витебск, Балашов, Двинск), тяжких испытаниях. К дорогам гражданской войны в России она вернется уже после Второй мировой войны (повесть "Ве-ху а-ор" - "И он тот светоч"). Эти дороги она знала не по литературе.

Стояла осень 1919 года, беженцы пытались вернуться из России в Литву, где-то на границе колонна застряла. Слышны были выстрелы. Люди голодали, болели.

Окончание на стр. 8-9

"ЕВРЕЕВ ОТКРОВЕННО УНИЧТОЖАЮТ КАК НАРОД"

В январе на прилавках израильских книжных магазинов появился плод сотрудничества двух ведущих академических издательств страны, "Магнес" и "Яд ва-Шем" - новейшее историческое исследование о советском партизанском движении. "Еврейский камертон" побеседовал с автором исследования доктором Яковом Фальковым о роли евреев в сопротивлении нацистской оккупации западных территорий СССР, а также об отношении советских партизан к Холокосту

"ЕК". На бывшем советском пространстве и за его пределами советским партизанам и их борьбе с нацистами были посвящены многочисленные научные и популярные публикации, документальные и художественные фильмы. Что нового может добавить к уже сказанному израильский историк в начале XXI века?

Я.Ф. В Советском Союзе многие аспекты партизанской жизни и борьбы были табуированы по самым разным соображениям. Прежде всего - идеологическо-пропагандистским: партизаны неизменно изображались этакими патриотами-супергероями, порожденными "самым лучшим в мире" коммунистическим строем. Никаких полутона и тем более темных пятен в этой картине быть не могло. Не менее важными были и соображения секретности, поскольку Советская армия и спецслужбы активно использовали опыт партизан и после войны с нацистами - например, при подготовке многочисленных иностранных "борцов с империализмом и сионизмом". Ну и, наконец, соображение престижа партизанских командиров. Многие из них прожили долгую жизнь, занимали в послевоенный период высокие партийные и государственные посты и были причислены к рангу "неприкасаемых". Малейшая тень на их "плетень" воспринималась как очернение всей партии, а потому, с точки зрения советской цензуры, была недопустима. Это привело к мифологизации партизанской борьбы в Советском Союзе, последствия которой ощущаются в нынешней российской и даже западной историографии советского партизанского движения по сей день. Подобная ситуация оставила достаточно пространства для дополнений и даже ревизии на основании богатейших архивных материалов, доступ к которым был открыт на территории бывшего СССР в последние десятилетия. И в данном случае как раз израильское гражданство исследователя часто является преимуществом, так как многие местные архивы сотрудничают с израильтянами охотнее, чем с про-чими иностранцами.

"ЕК". В каких архивах довелось работать вам? И что удалось там обнаружить?

Я.Ф. Мой целью был новый, неангажированный взгляд на деятельность советского партизанского движения и, особенно, наименее его исследованного элемента - разведывательного - на всех оккупированных нацистами территориях: от Карелии до Северного Кавказа и Калмыкии. Поэтому за последние четырнадцать лет я объездил почти два десятка архивов и библиотек в стра-

нах СНГ, Восточной Европе, Германии и Англии. Самыми впечатляющими по содержанию, технической оснащенности и заботе об исследователях оказались архивы и библиотеки в Минске, Оксфорде и Берлине. Широчайший охват источников позволил пролить новый свет, а иногда и вовсе изменить существовавшие представления о развертывании и эффективности партизанской борьбы и разведывательной деятельности в немецком тылу. Например, оказалось, что способности партизан в области призыва и подготовки личного состава, его обеспечения продуктами, средствами связи и вооружением были весьма далеки от идеальных. А также, что информация о состоянии оккупационного режима, поставлявшаяся партизанами высшему советскому руководству, была более обширна и ценна, нежели информация о планах, возможностях и действиях германского вермахта, которые получала от лесных бойцов Красная армия. Наиболее значимым достижением партизанской разведки можно считать осознание ею морального надлома оккупантов после их поражения под Курском и выявление момента начала "свертывания" оккупационного аппарата уже осенью 1943 года.

"ЕК". А удалось ли узнать что-либо новое о роли евреев в создании и деятельности советского партизанского движения?

Я.Ф. Еврейское участие в антинацистском сопротивлении на оккупированных советских территориях было достаточно хорошо изучено до меня целым рядом замечательных израильских историков во главе с бывшим партизаном и бывшим директором музея "Яд ва-Шем" доктором Ицхаком Арадом. Было установлено, что в 1941-1944 годах на временно оккупированных фашистами западных территориях Советского Союза действовало до 20000 еврейских партизан, из которых почти треть отдала свои жизни в борьбе с врагом.

Мой скромный вклад в изучение этого феномена состоит в нахождении новой ин-

Леонид Беренштейн

Группа еврейских партизан Белоруссии.
Коллекция фотодокументов, "Яд ва-Шем"

формации о роли еврейских партизан в деятельности партизанской разведки. Прежде всего, в этой связи хотелось бы упомянуть две героические личности, с которыми мне удалось лично побеседовать в Израиле: бывший партизанский разведчик и командир Леонид Беренштейн и бывшая партизанская радиостанция Нина (Мина) Папирмахер. Беренштейн, успешно действовавший до весны 1944 в Украине, был затем заброшен во главе разведывательно-диверсионной группы - среди бойцов которой был и замечательный еврейский разведчик и диверсант Михаил Имас - сначала в Южную Польшу, а затем в Словакию. Осенью 1944 группа приняла активное участие в знаменитом Словацком национальном антинацистском восстании - к сожалению, неудачном. Папирмахер в возрасте 17 лет добровольно прошла подготовку в московской школе партизанских радиостанций и весной 1944 была заброшена самолетом на оккупированную территорию Литвы, где внесла значительный вклад в радиообмен информацией между местными коммунистическими партизанами и их руководством в советском тылу. Ее "клиентом", помимо партизан, был десантировавшийся вместе с ней офицер советской внешней разведки, действовавший в Каунасе под псевдонимом Иван Иванович.

Среди прочих выдающихся евреев, внесших значительный вклад в деятельность партизанской разведки, следует отметить советскую военную разведчицу, ветерана гражданской войны в Испании Марию Фортус. После немецкой оккупации северо-запада Украины она возглавила разведку и контрразведку действовавшего здесь зна-

менитого разведывательно-диверсионного отряда "Победители". Другой, возможно, даже более значимый персонаж, но, увы, сегодня совершенно забытый - это командир отдела связи Украинского штаба партизанского движения полковник Ефим Коссовский. Будучи до войны, как и Фортус, кадровым офицером разведуправления Генштаба, он также прошел боевую закалку в Испании, а после оккупации фашистами Украины возглавил проект по развертыванию системы партизанской связи на территории республики. Именно его стараниями Беренштейн, Имас, Фортус и их товарищи по оружию были обеспечены связью с советским тылом. Кстати, стоит отметить, что Коссовский - в отличие от ряда его соплеменников - не побоялся антисемитизма, царившего тогда во многих партизанских структурах, и не скрыл своего еврейского происхождения при заполнении личной анкеты в мае 1944 года.

В рамках моего исследования были обнаружены спорадические упоминания и о других ныне забытых партизанских разведчиках-евреях, высокопоставленных и рядовых: заместителе командира разведотдела Украинского партизанского штаба майоре Иосифе Натановиче Брунове, повышенном в звании за успешную работу в области агентурной и полевой разведки; Льве Исааковиче Шамисе, замкомандира разведотделения партизанского штаба Юго-Западного фронта; а также без вести пропавших на востоке Эстонии командире партизанской десантной группы Когане и его радиостанции Рабиновиче.

"ЕК". А каково было отношение партизан и их разведки к массовому уничтожению еврейского населения на оккупированных советских территориях?

Я.Ф. Мое исследование вскрыло поразительный факт: несмотря на практически полное отсутствие интереса к данному вопросу со стороны высшего советского руководства - а я обнаружил признаки подобного ин-

ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ

Алекс Тарн

тереса лишь у белорусского коммунистического вождя и лидера партизанского движения Пантелеимона Пономаренко - уже в самом начале оккупации рядовые партизаны начали сообщать, иногда в режиме реального времени, о конкретных зверствах фашистов и их пособников в отношении евреев. Представляется, что даже подавшиеся в партизаны сотрудники НКВД - организации не слишком человеколюбивой - были шокированы валом информации о Холокосте и пытались донести осознание дикости ситуации до руководства в советском тылу. Были довольно точно описаны такие события, как казни евреев в киевском Бабьем Яре, в Минском гетто и в белорусском лагере Малый Тростянец.

Со временем эти сообщения были выделены в специальную рубрику партизанских разведдонесений со всех оккупированных территорий, и уже во второй половине 1942 года у партизан сформировалось четкое понимание того, что еврейские страдания превосходят страдания прочих советских граждан, оказавшихся под немецким игом. В этом плане наиболее примечательным является вывод латвийских партизан, известивших свое руководство о том, что "в оккупированной Латвии, как и везде, евреев откровенно уничтожают как народ".

Впрочем, по до сих пор не выясненным историками причинам, Сталин и его окружение использовали эту информацию весьма скрупульно - всего лишь в нескольких официальных сообщениях советского правительства, да во время знаменитой миссии Соломона Михоэлса в США, в 1943 году, когда Кремль пытался использовать информацию о Холокосте в СССР для воздействия на американские еврейские общины, от которых ожидалась экономическая помощь воюющей Красной армии и советским евреям-беженцам.

"ЕК". Планируете ли вы продолжение исследования на данную чрезвычайно важную тему?

Я.Ф. В наступившем году я намерен провести полгода в Вашингтонском мемориальном музее памяти жертв Холокоста, который выделил мне грант на изучение послевоенных документов НКВД о преступлениях нацистов на оккупированных советских территориях. По завершении этого исследования буду рад информировать читателей "ЕК" о его результатах.

Справка "ЕК": В 1996-2000 годах доктор Яков Фальков работал журналистом в газете "Новости недели", где печатался под псевдонимом Коби Баз. В настоящий момент он преподает историю и теорию партизанской войны и терроризма в Тель-Авивском университете и в Герцильском междисциплинарном центре, а также является приглашенным исследователем на историческом факультете Оксфордского университета и в Вашингтонском мемориальном музее памяти жертв Холокоста. Исследование Фалькова о советском партизанском движении было высоко оценено ведущими историками в Израиле и за рубежом. В 2017 году Израильское управление лотерей "Мифаль а-паис" удостоило его премии, предназначеннной для поддержки публикации выдающихся трудов израильских ученых.

ша, как и все его сограждане. Неподчинение опасно: оно карается двойкой, провалом, осуждением, а то и тюрьмой. Неподчинение аморально: порядочный немец обязан соблюдать общественный порядок, а иначе он теряет право называться порядочным человеком.

Но при этом в глубине души Ганс точно знает, что ни в чем не виноват. Не виноват ни он, ни родители, ни купившая серьги пррабушка, ни прадед, погибший в русском плена. Ибо все они честно соблюдали общественный порядок, то есть были в высшей степени порядочными людьми. То есть налицо парадокс: реально они не виноваты, а по закону - виноваты. И от этого кричащего диссонанса наследственная ненависть Ганса к евреям становится еще яростней, еще сильней. Евреев он винит примерно во всем: в падении евро, в непомерном расходе государственных денег, в мировом заговоре против Германии, в наплыве исламских беженцев. Ведь принимать этих беженцев заставляет что? Чувство вины. А чувство вины из-за кого? Из-за евреев. Ну как их после этого не возненавидеть?

К несчастью, общественный порядок пока запрещает выражать эту ненависть публично. Не будь таинственного народа, именуемого "палестинцы", Гансу и вовсе негде было бы разрядиться. А так хотя бы можно с наслаждением перечеркнуть ненавистный магнит, растоптать и скрять ненавистный бело-голубой флаг, от души сплюнуть в портрет с ненавистной европейской мордой еврейского премьер-министра. Почему можно? Потому, что на пропалестинских демонстрациях ты бузишь как бы не "против", а "за". Не против евреев, а за угнетаемых ими... как их там?.. полосатиков?.. простатинцев?.. ну, неважно кого.

Зато Янека учат совсем-совсем другому. Ему объясняют, что он не только на стороне победителей, но и на стороне жертв. Ему сообщают, что во время войны погибли миллионы поляков. Ему говорят, что закон запрещает возводить напраслину на свой народ, который, в конечном счете, ни в чем не виноват. И Янек пишет, заучивает и декламирует именно эту простую истину. И все бы хорошо, когда бы не то ожерелье в семейном комоде. Когда бы не те дома, квартиры, мастерские, лавочки, фермы, некогда принадлежавшие еврейским соседям, загубленным - вот ведь незадача! - вовсе не немцами. Когда бы не хлеб из колосьев, которые взошли на польских полях, удобренных тем самым пеплом...

Вроде и легко он жуется, этот хлеб, но такое впечатление, будто вместе с ним попадает внутрь здорового молодого организма еще что-то - неприятное, мертвящее, похожее на чувство вины.

Иначе говоря, для краковского блондина Янека все обстоит ровно наоборот: по закону ему запрещено чувствовать се-

бя виноватым, а вот реально... реально-то он чувствует именно вину, да еще какую! И от этого кричащего диссонанса наследственная ненависть Янека к евреям становится еще яростней, еще сильней.

К счастью, общественный порядок в Польше не запрещает выражать эту ненависть публично, и даже вне всякой связи с таинственным народом, именуемым "палестинцами". Жаль только, что евреев в Польше практически не осталось, так что и морду набить некому. Надгробья на кладбищах давным-давно повалены, восстановлены и повалены снова; стены бывших синагог многократно исписаны свастиками... скучно, панове. Поэтому бедному Янеку остается лишь ждать, когда футбольные судьбы занесут в Краков какую-нибудь израильскую команду. Тут уже можно вволю порезвиться на трибуне, покидать "зиги" и поорать соответствующий "хайль" - короче, отвести душу.

Ну и скажите теперь, которая из двух этих холер лучше? Или хуже - не знаю даже, как и спросить. Которая? Ганс или Янек? Хронически виноватый или заведомо невиновный? Ядерный взрывной потенциал ненависти, накапливающийся под обманчиво крепкой оболочкой политкорректности болельщика "Вердера" или привычно-откровенная злоба болельщика "Вислы"? Как хотите, но второе, на мой вкус, менее страшно, ибо находится на виду. Поэтому я совершенно не разделяю возмущения израильского МИДа в связи с соответствующими законами, которые принимаются в эти дни польским сеймом.

Чего нам никак нельзя ждать и, тем более, выспрашивать, так это сочувствия. Надо раз навсегда запомнить: Катастрофа - это наша и только наша боль. Нельзя пятнать ее любой янеков и иванов, опошлять политкорректным враньем гансов, жанов и джонов. Неужели нам нужны их лицемерные речи, футболки с надписью "We remember", лживые "Дни памяти", помпезные мемориалы под небом, все еще полным отчаянием наших идущих на бойню детей? Если кукловодам гансов и янеков угодно разыгрывать эту дешевую комедию - пускай разыгрывают. Никто не может отнять у них право выкобениваться в своих балаганчиках сколько черт на душу положит. Но без нас! Без нас! Потому что сам факт нашего участия в этом постыдном лицедействе означает прощение: наше прощение - им, виновным.

Вот только нет его, прощения, нет и не будет. Ни у кого из живущих, а точнее, уцелевших евреев нет права прощать: ни у премьера, ни у кнессета, ни у царя, ни у Санхедрина. Единственно достойный ответ на пляски чужих людей вокруг нашего Несчастья, ответ на отрицание и отмечание, на хулу и хвалу, на воздвигнутые памятники и поруганные могилы - молчание. Не протесты МИДа, не аплодисменты раввина местной общины, не дежурное возмущение газетного обозревателя - молчание. Потому что это наша и только наша боль, единая и неделимая. Единая для нас всех и не делимая ни с кем другим.

АНДРЕЙ, МАРК И МАРИНА

Белла КЕРДМАН

Нашему знакомству более двадцати лет. Оно началось в конце прошлого века, когда движение "Авив" затеяло выпускать свою газету, арендая для этого две полосы в "Новостях недели". Меня тогда подвели к молодой светловолосой женщине и сказали: это Марина Потоцкая, наш редактор, она москвичка. О движении "Авив" сегодня вряд ли ктопомнит. Если коротко: оно было организовано на деньги религиозных евреев Канады с целью нравственного усовершенствования народа Израиля (прежде всего - наших репатриантов) на базе заповедей Торы. Как-то так. А занимались "авивцы" конкретными "малыми делами" в помощь новым олим, каковыми были и сами.

Но о движении этом, которое прекратилось, когда канадцы перевели свое субсидирование на другие цели, надо говорить отдельно, если вообще надо. Тема же данной моей публикации - в заголовке. И пора его раскрыть, сказав, что дедом этой моей доброй знакомой был известный писатель Серебряного века, человек неординарной и трагической судьбы Андрей Соболь. Отцом - известный поэт-фронтовик Марк Соболь. Сама же Марина -педагог и весьма успешный детский писатель, чьи книги сегодня активно издаются и пользуются спросом в России.

Сейчас М.Потоцкая по некоторым обстоятельствам вынуждена полгода прожить в Москве. Она поселилась в доме, откуда недавно ушла в мир иной Татьяна Михайловна, вдова отца. У Марины, свободной в это время от израильских забот, - муж, двое внуков, дом, - немало дел и там: разбирает архивы отца, работает с издателями и иллюстраторами своих книг, встречается с друзьями. Но я все-таки решаюсь встретить в эту ее московскую "ссылку" и предложить интервью по переписке.

Б.К. Добрый день, Марина. Я думаю, сейчас актуально будет интервью с вами: новые книжки вышли, вы побывали на московской книжной ярмарке и т.п. Поговорим не о вашей работе в Израиле с детьми, об этом немало писано, в том числе и мной, а о предках, оставивших заметный след в русской литературе, а также в вашей творческой судьбе. Надеюсь на ваше согласие, потихоньку набираю в интернете материалы о Соболях. Так что готова приступить к "допросу". Вы как?

М.П. Я - "за". Надеюсь, вы сможете это сделать без излишнего "рекламирования" меня. Действительно, много чего можно рассказать, тем более что я сейчас уже заканчиваю предварительный разбор отцовского архива и думаю о том, что делать с ним дальше. Насчет ярмарки - это, собственно, не ярмарка, а Всероссийский фестиваль детской книги. Вчера он закончился. Было множество детей и родителей, ярмарочные столы от всех издательств с чудесными книгами, много интересного. Я там была от издательства "Оникс" с "Нехочукиным и другими". Увидела старых знакомых - все бывшие молодые детские

В верхнем ряду справа налево:
Андрей Соболь, неизвестное лицо. В нижнем ряду: П.Рутенберг, Л.Яffe

писатели сильно постарели, конечно. А иных уж нет...

Скажу вам, что мы тут позавчера у Андрюши Усачева (известный российский детский писатель, - Б.К.) встречались с Левой Беринским. Ну, мы дружим с ним много лет. Он, возможно, один из самых блестящих (если не самый, нам просто трудно оценить) представителей нашей алии. Вот уж Человек мира и при этом очень-очень еврей! Он приехал в Москву на презентацию своей новой книги переводов Башевиса-Зингера. Потом едет в Питер, потом - в Германию. В Европе, мне кажется, о нем пекутся куда больше, чем в Израиле.

Б.К. Я никогда не спрашивала, почему нарушен фамильный писательский ряд Соболей - само собой вроде разумелось, что там и тогда родители сочли благоразумным записать девочку на мамину фамилию: Потоцкая. А может, это вы сами, Марина, взяла ее себе литературным псевдонимом? Уточнять я считала неэтичным. Сейчас спрошу о маме, о которой знаю только то, что она была актриса.

М.П. Заслуженная артистка Республики Ирина Потоцкая больше известна как ак-

триса детского радио. "Золотой фонд" детских радиопередач немыслим без ее имени. До сих пор в интернете можно найти ее голос. Она хорошо звучала даже на восьмом десятке. Мама была очень музыкальна, закончила училище при консерватории. Пела, играла на рояле замечательно. Они с отцом были знакомы сто лет, еще со школы. Это была знаменитая Десятая школа имени Фритьофа Нансена, в центре Москвы, в Мерзляковском переулке. Там учились Татьяна Литвинова, дочка министра иностранных дел, дети Есенина, Костя и Таня; Александр Гинзбург, он же Галич; позже - будущие режиссер Андрей Попов, академик Сахаров... Мама туда попала, так как ее отец - Александр Иванович Потоцкий преподавал там музыку. Но с Марком Соболем мама подружилась, когда его уже из школы выгнали "за поведение", и он просто приходил к концу уроков, ждал своего друга Сашу Гинзбурга. Когда я родилась (мама рассказывала), пришла Раиса Сауловна, мама Марка и сказала: "Ира, лучше, если у девочки в метрике в графе "отец" будет прочерк: сейчас такое время..." А это как раз было начало 50-х. Но мама сказала:

нет, пусть будет отец как отец. Хотя вскоре после моего рождения они разошлись. А фамилию все же решили дать мамину.

Б.К. Странное дело, почему-то у меня в памяти застряло: "Андрей Соболь - поэт Серебряного века". А он, на самом деле прозаик, прежде всего. Впрочем, что мы могли в мое школьное и даже студенческое время знать о Серебряном веке! Мне, десятикласснице, сборник запрещенного Есенина по секрету дала на прочтение учительница литературы, это было в сибирской эвакуации. Я, кажется, впервые встретила имя вашего деда, когда занималась темой народовольцев и читала журналы "Ссылка и каторга" - выдали в Одесской публичной библиотеке "из личного уважения". А вы, Марина, что-то знали в советском детстве о деде? В доме были его произведения, фотографии? Кстати, вы когда-нибудь писали о нем?

М.П. Про Андрея Соболя. Сейчас у меня есть несколько его книг, в том числе reprintное издание рассказов, вышедшее в американском изд-ве "Ардис". А в моем детстве у нас дома была только одна его книжка, кажется, "Печальный весельчик". Увидела я фотографию деда в первый раз на Новодевичьем кладбище, на его могиле. Мне было лет двенадцать, когда мама повела меня показать, где он похоронен. Там на белой мраморной плите написано: "1888-1926. Товарищу-другу от всероссийского союза писателей (смысл в том, что его хоронил Российской союз писателей: он был секретарем правления). Сейчас там же похоронен мой отец Марк и моя бабушка Раилья-Раиса (Рика), первая жена Андрея Соболя.

Семейного архива Соболей у нас дома не могло быть: мои родители разошлись вскоре после моего рождения. Я росла с мамой в окружении целого сонма бабушек и отца не знала. Был только один каким-то чудом оставшийся у мамы потрясающий документ: письмо Андрея восьмилетнему сыну Марку, написанное перед самоубийством. Это письмо сейчас у меня. Архив Андрея, его бумаги и фотографии собирала и бережно хранила моя тетя Саломея-Алла, сводная сестра отца. В свое время она передала его профессору Иерусалимского университета Владимиру Хазану. И профессор Хазан, за что я и мои родственники ему очень признательны, после многих лет работы создал монографию о жизни и творчестве Андрея Соболя.

Я никогда об Андрее не писала. Но моя старшая дочь Ксения делала о нем доклад в Италии в начале девяностых, еще до нашего отъезда в Израиль. В эти последние московские годы мы сблизились с отцом и оба поняли, какой ошибкой было наше многолетнее разобщение. С моей семьей отец быстро нашел общий язык. Ксении тогда было девятнадцать лет, она училась в МГУ, прекрасно знала итальянский, и ее пригласили на конференцию, посвященную психологии творчества. Доклад ее назывался "Мотивы безумия в творчестве Андрея Соболя". Конечно, Марк Соболь ее консультировал.

Б.К. О самоубийстве Андрея Соболя я прочитала в интернете жуткую версию: он всадил себе пулю в живот у памятника Пушкину, с целью доказать, что, мол, раненого так же на дуэли поэта спасти не могли, а его советские врачи спасут - тут ключевое понятие "советские". Насколько правдива эта версия, не знает?

М.П. Чушь, конечно. Андрей Соболь был неврастеником, но не идиотом. Он действительно покончил с собой в центре Москвы, но без всякой аналогии с Пушкиным и писателем советской медицине.

Б.К. Писательское наследие предков проявилось в вас, как говорится, генетически. Когда это было, с чего вы начали? Почему "впали в детство"? Это случилось раньше, чем появилась на свет Ксения?

М.П. Я задолго до Ксении писала для детей. Возможно, потому, что мама очень много работала именно на детском радио. В самом раннем детстве, еще не умея писать, я что-то диктовала взрослым, что-то в рифму. Первые стихотворения на тему "времена года" опубликовали в "Пионерской правде". Во всесоюзном конкурсе детского творчества заняла второе место. И так совпало, что призы победителям во Дворце пионеров вручал... поэт Марк Соболь! Он едва не лишился сознания, увидев меня в списке лауреатов. Так мы познакомились. Отец пошел проводить меня, однако душевного общения у нас не вышло, и еще долго потом мы не виделись.

Лет в восемнадцать начало что-то мое появляться на радио. Потом, когда родилась Ксения, я уже делала там инсценировки. И лет с шестнадцати с подачи нашего соседа по квартире, журналиста Юры Дворядкина, стала делать репортажи и интервью, сначала для радиостанции "Юность", а потом для отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио. Тогда передачу "С добрым утром!" слушали абсолютно все, а телевизор был далеко не в каждом доме. В редакцию приходил весь "цвет" советской тогдашней эстрады: писатели-юмористы, поэты-песенники, композиторы, актеры, певцы... И там тогда работали потрясающие редакторы, с хорошим вкусом, которые умели, несмотря на цензуру, все же выдавать хорошие передачи. Это была замечательная школа для меня и вообще занятное место. Кстати, когда я закончила филфак МГУ, они очень хотели взять меня в штат редактором. Но из-за моего "неарийского" происхождения из этого ничего не получилось. И до самого отъезда в Израиль я работала вне штата и там, и в Детской редакции, где мы с Борей (муж Марины, Борис Салибов, режиссер. - Б.К.) стали просто главными авторами, даже для Литдрамы.

Б.К. Я думаю, Марк Соболь после своего нечаянного открытия "собрата по перу" в девочке Марине следил за публикациями взрослеющей дочери? Кстати, вы очень похожи на отца, Марина, - сужу по его фотографии в военной форме.

М.П. При его жизни у меня вышла только одна книжка, детская, в 1991 году. Он это читал. Читал и мои взрослые рассказы, которые были до 1999 года (года его смерти). Хвалил. Слава богу, его жена Татьяна Михайловна, чудесная женщина, успела увидеть и мои книжки, и монографию

Марина Потоцкая

Хазана об Андрее Соболе. Ну, она расскажет "там" Марику...

Б.К. У Марка Соболя осталось что-либо "в столе", что он не мог при советской власти опубликовать? И как насчет еврейской тематики: она его занимала профессионально? Еврейство как-то сказалось на его творческой судьбе?

М.П. Еврейской темы отец практически не касался - ну разве что текст песенки "Все будет хорошо, зачем такие спешки?!" Но это было написано не для печати, а просто чтобы позабавить В.Тушнову, с которой у него тогда был роман. Однако эта песенка стала популярной, ее считали "народной". Хитом в свое время стала и песня Бена на слова М.Соболя из кинофильма "Последний дюйм", помните: "Какое мне дело до всех до вас..."

Б.К. Да, помню, такая "импортная" песня, ее все тогда напевали. Но автора текста мало кто знал, как обычно. Вы меня удивили, Марина, - неожиданный вроде автор для такой песни...

М.П. А меня сейчас удивляют потрясающие дневники отца. Он всю жизнь их вел, причем часто с явным расчетом на читателя. Очень болезненно относился ко всем новостям "про евреев". Никогда от своей национальности не откращивался, но долго многое не понимал: ну, например, еще в семидесятые писал об уезжающих в Израиль, что это все-таки предательство: "Землю, с которой вместе мерз", за которую воевал, нельзя оставлять! Конечно, это он только дневнику доверял, но... Хотя прекрасно знал и на себе испытывал все мерзости, которые на этой земле творятся. Почему? Не знаю...

Б.К. Собираетесь публиковать дневники Марка Соболя?

М.П. В том виде, в каком они есть, публиковать их невозможно: гигантский объем плюс много просто ненужных для публикации вещей. Я буду с этим массивом разбираться, очень хотелось бы издать фрагменты: там все - литература, жизнь, евреи, Россия... А стихов неизданных у М.С. практически нет. То есть я не нашла, надо

более тщательно проверить.

Б.К. Продолжим. Есть ли проявление писательского наследия в четвертом поколении династии? Имею в виду Ксению и Инну. Если нет, придется надеяться на четвертое, на ваших внуков.

И приступим, наконец, к наработанному вами и получившему материальное (от слова "материя", а не денежная плата) воплощение, то есть книгам - их сколько уже вышло и сколько ждет издания?

М.П. Бог с ней, с династией, но обе девочки пишут хорошо. Ксения, маленькая была, сочиняла стихи. Например, был у нее цикл о собаках разных пород. Помню такие строчки: "Хвостом божественным играя, / Идетстройна, легка как дым, / Великолепная борзая/ Вслед за хозяином своим". Здорово! В Израиле Ксения писала в "Вестях" и, возможно, могла бы стать журналистом. Но ей много разного бог дал, и языки она знала, и учила в Иерусалимском университете "кино и театр"... Из более позднего и имеющегося отношения к "писаниям": ее друзья в Москве готовили книжку и присыпали Ксени редактировать. Сейчас она, несколько я понимаю, от всего этого отошла, а читает в основном на английском. Редактирует переводы фильмов.

Инна тоже писала с малолетства: "Здравствуй, праздник наш Октябрь, и ноябрь, и вообще!..". Еще была у нее книга в четыре сказки: "Жил-был царь. У него была жена - царица. А у нее был муж - простой солдат".... В двенадцать лет написала повесть о собаке - "Будни Муси Шлюпкина". Я сделала инсценировку, а Боря написал тексты песен. И получилась радиопостановка с таким названием. Она появилась в эфире в Москве незадолго до нашего отъезда в Израиль. Деньги тогда обесценивались каждый день, так что гонорара Инночке хватило как раз на то, чтобы на прощание купить одноклассникам шоколадки. "Будни Муси Шлюпкина" и сейчас есть в интернете, на сайте "Старое радио" и еще где-то. И тут она иногда пишет - на обоих языках. Написала несколько очень современных текстов песен по-русски, пытаясь перево-

дить, пишет рассказы на иврите... Она очень способная и абсолютно двуязычная. Ее тексты по-русски я могу оценить, а моя сватья-израильтянка, учитель иврита в старших классах, говорит, что и на этом языке все прекрасно выходит. Но пока она стесняется выходить на публику...

У меня вышло пять книг, сейчас на выходе шестая, в издательстве "Время". На днях мы встречались с художницей, смотрели иллюстрации. Уже почти все готово и готов макет. Первая моя книжка, "Острое поросячье заболевание", вышла в Москве в 1991 году, а потом был перерыв больше чем в двадцать лет. Кратко о причинах. В 92-м мы уехали в Израиль и, хотя я писать не представляла, занимаясь устройством нашей жизни здесь, работая и учась, не занимала серьезных попыток издаваться в Москве. Печатать же книги в Израиле за свои деньги не хотела: ведь с юности была профессиональным литератором и зарабатывала на жизнь исключительно этим. Однако практически все, что было написано за эти годы и для детей, и для взрослых публиковалось в "Окнах" (приложение к газете "Вести"). А потом все неожиданно закрутилось. Вышли книжки в "Ониксе", в "Речи", в АСТ... Это притом, что я появляюсь в России нечасто и своих редакторов не всегда знаю в лицо. Самая первая из этих "ренессансных" книжек, "Когда мама была маленькой", вышла уже третьим тиражом. Посмотрим, что будет дальше.

Б.К. Хорошо бы " дальше" появилось что-то от Марины Потоцкой и на иврите. Живем ведь в Израиле. Ваши дети владеют ивритом на уровне родного языка, они двуязычны. Для Павлика, внука, пока неизвестно, будут ли иврит и русский на равном уровне, а насчет новорожденной внучки Галии возможен вариант преимущественного ивритоязычия. Ясное дело, хорошие детские книги на иврите будут востребованы в домах многих тысяч израильтян, как репатриантов, так и коренных.

М.П. Разумеется, меня волнует этот вопрос: почему эти мои книжки выходят в Москве, а в Израиле о них не знают. Это довольно печально, и, конечно, мне бы очень хотелось, чтобы кто-то заинтересовался и, может, перевел бы на иврит несколько историй. У меня был об этом разговор с младшей дочкой. Она сказала, что многих реалий из моих рассказов-сказок в Израиле не поймут. Но ведь есть там и "общечеловеческие" вещи, в большинстве рассказов. Думаю, Инна и сама перевела бы совсем не плохо, но сейчас ей, матери двух малых детей, не до того. А я... Конечно, под лежачий камень вода не течет, надо этим заниматься. Но вы знаете, что с "пробивной силой" у меня так себе. Ладно, посмотрим. Из последних моих новостей: "Лимонадная корова" выходит 15 января; издатели из АСТ уже попросили разрешения включить пару старых рассказов в очередной сборник. Однако этого выхода я не дождуся - буду уже в Израиле.

Б.К. Такая для вас информация, Марина. В ноябрьском номере журнала "Силуэт" (приложение к газете "Новости недели") вышла большая статья о школе "Шевах-мофет". Там и об "уроках фантазии", которые вы вели для самых маленьких. Я сохранила для вас этот журнал.

БОЛЬШОЙ УЧЕНЫЙ - О БОЛЬШОМ ПИСАТЕЛЕ:

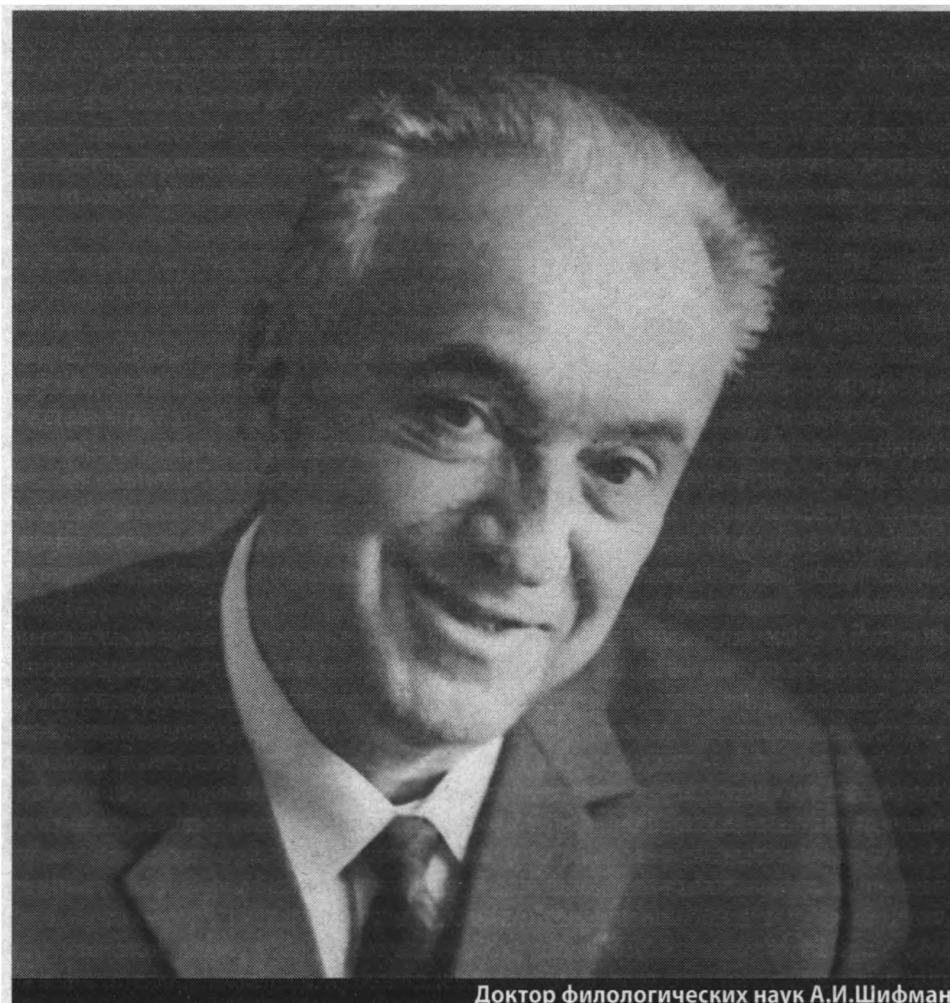
К выходу в свет антологии избранных трудов А.И.Шифмана

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Более чем четверть века назад в израильском городе Иехуд ушел из жизни видный литераторовед, доктор филологических наук Александр Иосифович Шифман (1907-1992). Только что совместными усилиями российских, армянских и израильских коллег ученого под эгидой Института мировой литературы Российской Академии наук и Государственного музея Л.Н.Толстого вышла в свет представительная антология его избранных трудов, озаглавленная "Лев Толстой. Драмы судьбы и творчества".

В целом количество опубликованных работ, посвященных творческому наследию Льва Николаевича Толстого и различным этапам его жизненного пути огромно. И все же выпущенное сейчас в рамках инициированного видным бизнесменом и филантропом Александром Долухановым просветительского проекта "Русская книга" издание в значительной мере уникально. Его автор, А.И.Шифман, принадлежал к тому уже ушедшему поколению литератороведов, которое на протяжении многих лет непосредственно соприкасалось с людьми, входившими в ближайший круг великого писателя - прежде всего, мы говорим о двух его секретарях, Николае Гусеве и Валентине Булгакове. Именно А.И.Шифман как наиболее близкий им соратник и компетентный специалист был ответственным редактором второго и третьего томов биографии Л.Н.Толстого, подготовленной Н.Н.Гусевым (эти тома охватывали период с 1855 по 1881 год и были выпущены Институтом мировой литературы Академии наук в 1957 и 1963 годах). После кончины Н.Н.Гусева в октябре 1967 года именно А.И.Шифман был автором посвященного ему некролога, опубликованного в журнале "Русская литература". Также он был ответственным редактором и автором предисловия к первому изданию выпущенных уже после смерти автора книг В.Ф.Булгакова "Лев Толстой, его друзья и близкие" и "О Толстом". А.И.Шифман был среди тех, кто передал свечу толстоведения от людей, непосредственно знавших великого писателя и бывших с ним в последние годы его жизни, ведущим исследователям - литератороведам и культурологам - настоящего времени.

Александр Иосифович Шифман родился в городке Туров (ныне - в Гомельской области) в бедной еврейской семье. Детство и юность провел в городе Мозыре в Белоруссии. В 1924 году, в возрасте семнадцати лет, уехал в Питер и поступил учеником на прядильно-ткацкую фабрику; одновременно он стал слушателем вечерних литературных курсов, где его учителями были некоторые из крупнейших писателей того времени: Николай Тихонов, Вениамин Каверин, Юрий Тынянов и другие. В это

Доктор филологических наук А.И.Шифман

время сам А.И.Шифман начал публиковать свои очерки в газетах "Ленинградская правда" и "Смена".

В 1927 году он был направлен в Свердловск, два года работал ответственным секретарем редакции газеты "На смену". Здесь А.И.Шифман познакомился с известным писателем П.П.Бажовым и под его руководством написал свои первые критические статьи и рецензии. В 1929-1930 годах он служил в Красной армии - сначала в качестве связиста, а затем редактора дивизионной газеты. После армии был отозван в Москву для работы в "Комсомольской правде", но вскоре был утвержден заместителем редактора "Пионерской правды". При редакции этой газеты им было организовано литературное объединение юных поэтов, которым руководил Эдуард Багрицкий. С 1932 года, сочетая учебу с работой, он совершенствовался на литературном отделении Института красной профессуры. С 1934 по 1938 годы А.И.Шифман работал редактором художественной литературы в издательстве "Молодая гвардия", где, в частности, готовил к печати книги Алексея Толстого, Василия Гроссмана и других писателей. В 1938 году он перешел на работу в Институт мировой литературы им. Горького, где начал более углубленную литератороведческую работу, подготовив исследование о севастопольском периоде жизни Льва Толстого.

В начале Великой Отечественной войны А.И.Шифман добровольцем ушел в народное ополчение. Вскоре он был направлен в редакцию газеты Южного фронта, а затем в течение всей войны работал в различных фронтовых газетах. В период Сталинградской битвы и боев за Берлин был фронтовым корреспондентом "Комсомольской правды". Войну А.И.Шифман закончил в Берлине, в должности заместителя редактора газеты Пятой ударной армии "Советский боец". Был награжден орденами Отечественной войны I и II степеней и пятью медалями.

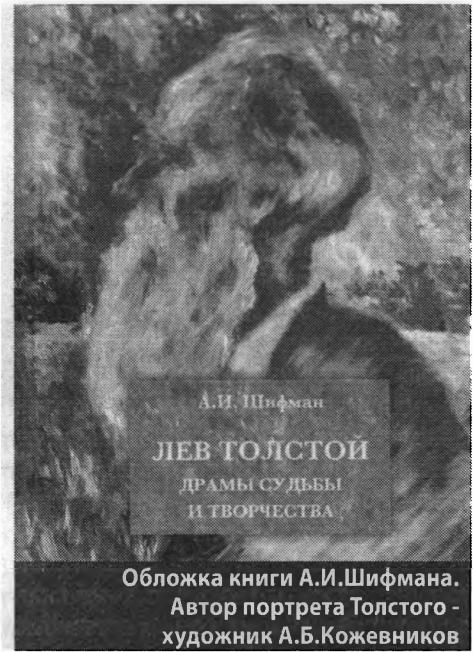
В 1946 году А.И.Шифман вернулся в Институт мировой литературы, где вскоре защитил диссертацию "Севастопольские рассказы Л.Н.Толстого", получив степень кандидата филологических наук. В 1950 году он перешел на научную работу в Государственный музей Л.Н.Толстого, с которым была связана вся его последующая жизнь. Ведя в течение более чем тридцати лет научную работу в стенах Музея Толстого в Москве и в Ясной Поляне, он участвовал в подготовке к печати многочисленных изданий Толстого, в том числе собраний его сочинений.

Основной сферой профессиональной ответственности А.И.Шифмана на протяжении многих лет были не рукописи тех или иных романов, повестей и пьес великого писателя, а его дневники и эпистолярное

наследие. В одной из публикаций не очень компетентного автора наше внимание привлекло утверждение о том, что Лев Толстой будто бы не любил писать и получать письма, свидетельством чего якобы является тот факт, что даже своему великому современному Ф.М.Достоевскому он не написал - и от него не получил - ни одного письма. Действительно, Ф.М.Достоевский и Л.Н.Толстой никогда не встречались и не переписывались, однако Львом Николаевичем было получено более пятидесяти тысяч писем, и им было написано более десяти тысяч ответных посланий! Этот огромный корпус документов А.И.Шифман тщательно изучал на протяжении многих лет, причем многие из писем к Л.Н.Толстому, которые, естественно, ни в одно из его собраний сочинений не входили, впервые цитировались именно в научных трудах Александра Иосифовича. Хорошо известно, что Л.Н.Толстой много-кратно перерабатывал рукописи своих художественных произведений, поэтому именно сразу же писавшиеся набело письма являются важнейшим подспорьем, позволяющим восстановить ход его мыслей в разные периоды его долгой и столь непростой жизни. Несмотря на то, что Лев Толстой оставил огромное литературное наследие, не все из им задуманного было им написано, и именно дневниковые записи и письма позволяют исследователям очертить круг "Толстого, которого мы потеряли". Статья А.И.Шифмана "Ненаписанный роман Льва Толстого", включенная в изданную только что антологию, является примером интереснейшей реконструкции подобного рода.

Особое внимание А.И.Шифман уделял дневникам и записным книжкам Льва Николаевича, справедливо отмечая, что никто более из видных российских литераторов - и деятелей культуры в целом - не оставил столь масштабного дневника, записи в котором делались на протяжении более чем шестидесяти лет. Знакомства А.И.Шифмана с этими дневниками было настолько глубоким, что именно ему было поручено написать обзорную статью о них для 22-томного собрания сочинений Льва Николаевича, выпускавшегося в первой половине 1980-х годов. К большому сожалению, ни в одну из изданных при его жизни монографий А.И.Шифмана эта статья не включалась, вследствие чего ее публикация в настоящей книге представляется особенно важной. Во множестве последующих публикаций выводы и интерпретации А.И.Шифмана нередко "занимаются" без упоминания его имени; его многолетний труд присваивается другими авторами. Включая статью "На пределе искренности: дневники Льва Толстого" в настоящий том, издатель и редакторы способствуют восстановлению исторической справедливости и цепи преемственности в мировом толстоведении.

У Льва Николаевича и Софьи Андреевны было тринадцать детей, из которых пятеро скончались в младенчестве. Судьбы остальных восьмерых сложились по-разному; дочери Татьяна и Александра, равно как и сыновья Илья, Лев и Михаил, после революции и гражданской войны оказались в эмиграции и умерли в разных странах вда-

Обложка книги А.И.Шифмана.
Автор портрета Толстого -
художник А.Б.Кожевников

ли от родины. Для А.И.Шифмана было чрезвычайно важно интегрировать в российское толстоведение и их драгоценные свидетельства. Уместно напомнить, что воспоминания старшей дочери великого писателя, Татьяны Львовны, впервые изданные в Москве в 1980 году, готовил к печати именно А.И.Шифман; его предисловие к этой книге, давно ставшей библиографической редкостью, включено в обсуждаемую антологию.

Тот факт, что именно А.И.Шифман был выбран как наиболее подходящий человек для подготовки первого издания книг В.Ф.Булгакова "Лев Толстой, его друзья и близкие" и "О Толстом", отнюдь не был случайным. В последующие годы литературное наследие Валентина Булгакова (а объем его мемуаров превышает шесть тысяч страниц) издавалось неоднократно - достаточно упомянуть обстоятельные тома, выпущенные в 2012 и 2014 годах издательством "Кучково поле", однако первое издание ценнейших мемуаров В.Ф.Булгакова, озаглавленное "Лев Толстой, его друзья и близкие", увидело свет в 1970 году именно с большим вступительным эссе, написанным А.И.Шифманом. Впоследствии, в 1978 году, было опубликовано расширенное и дополненное издание воспоминаний В.Ф.Булгакова, составленное А.И.Шифманом и с его же вступительной статьей. Ни в коей мере не ставя под сомнение значимость работ литературоведов последующего времени, совершенно очевидно, что именно А.И.Шифман был, если так можно выражаться, родоначальником "булгаковедения в толстоведении". К сожалению, оба упомянутые выше издания воспоминаний Валентина Булгакова вышли в свет в 1970-е годы не в Москве или Питере, а в Туле, что объяснялось тем, что усадьба Толстого в Ясной Поляне располагалась в четырнадцати километрах к юго-западу от этого города, и, с административной точки зрения, и сегодня находится в Тульской области. Очевидно, однако, что книги, выпускаемые за пределами столичных городов, какими бы важными и интересными они ни были, привлекают к себе меньше внимания, чем они того заслуживают, и подготовленные А.И.Шифманом сборники воспоминаний В.Ф.Булгакова - не исключение. Впервые издавая сейчас в Москве большую статью А.И.Шифмана о последнем секретаре Льва

Толстого, редакторы антологии, таким образом, вносят вклад в восстановление исторической справедливости.

Докторская диссертация А.И.Шифмана была посвящена интеллектуальным, литературным и общественно-политическим связям Льва Толстого со странами Азии и Африки; она была издана в Москве в 1960 году и привлекла к себе чрезвычайно большое внимание. Достаточно сказать, что ее фрагменты, посвященные японской культуре, русско-японской войне и переписке с японскими интеллектуалами, были опубликованы в Токио отдельным изданием на японском языке в 1966 году. В свою очередь, главы, касавшиеся отношения Толстого к индийской философии и его переписки с Махатмой Ганди, были выпущены в Дели в 1969 году на хинди и английском, после чего удостоены международной премии имени Джавахарлала Неру.

В 1971 году Институтом востоковедения Академии наук было выпущено второе, переработанное и дополненное издание монографии А.И.Шифмана "Толстой и Восток" объемом более пятисот страниц. Понятно, что на этой книге лежала печать того времени, когда она была написана, и давление идеологических факторов на ее автора не стоит недооценивать. Вместе с тем прошедшие с тех пор полвека отчетливо продемонстрировали значительность интеллектуальных находок и озарений А.И.Шифмана при разработке ряда крайне непростых тем, поэтому главы "Лев Толстой и индийская философия", "Лев Толстой и китайская философия", равно как и яркое эссе, посвященное сходствам и различиям в мировоззрении Льва Толстого и Махатмы Ганди, являются украшениями выпущенной антологии.

Как уже указывалось, еще с 1940-х годов А.И.Шифман изучал значение Крыма в судьбе и творчестве Л.Н.Толстого, став фактически одним из самых первых исследователей этой темы. Именно опыт службы в армии в ходе Крымской войны привел Л.Н.Толстого к мыслям о писательстве, реализованным в "Севастопольских рассказах", написанных в 1854-1855 годах. Этому важнейшему формирующему периоду для Толстого-писателя посвящена первая статья, открывающая обсуждаемую книгу. Спустя тридцать лет Лев Николаевич вновь приехал в Крым вместе со своим другом князем Урусовым, написав тогда в Симеизе рассказ "Ильяс". В конце 1901 - начале 1902 года Толстой вернулся в Крым, прожив в имении графини Паниной в Гаспре в десяти километрах от Ялты более девяти месяцев. Именно там и именно тогда он интенсивно общался с некоторыми из наиболее крупных деятелей русской культуры, в том числе с А.П.Чеховым, К.Д.Бальмонтом и другими, в частности с А.М.Горьким. Хотя сам Горький оставил обстоятельный очерк о Толстом, в котором описал их встречи, по письмам и дневниковым записям Льва Николаевича и Софии Андреевны А.И.Шифман восстановил точные даты их встреч, в том числе и тех, о которых сам А.М.Горький вообще не упомянул. Включенная в настоящий том статья "На заре XX века: крымские встречи Льва Толстого и Максима Горького" стала значимым вкладом А.И.Шифмана в изучение творческих

биографий обоих писателей. Несмотря на то, что Толстому была в значительной мере чужда манера письма Горького, который, в свою очередь, не разделял многие ключевые компоненты толстовской социально-политической философии, они относились друг к другу с глубочайшим личным уважением. Проведенные А.И.Шифманом кропотливые и вдумчивые сопоставления мировоззрений Л.Н.Толстого и А.М.Горького, как и Л.Н.Толстого и М.К.Ганди, наверняка привлекут внимание неравнодушных читателей.

Как известно, ближе к концу 1870-х годов Л.Н.Толстой кардинально переосмыслил свою систему ценностей, после чего началось движение выдающегося прозаика к роли публициста, трибуна, голоса гражданской совести исконно народной России. Апофеозом этого пути стала написанная им в 1908 году обличительная статья "Не могу молчать", работе над которой А.И.Шифман посвятил одну из своих книг (в настоящую антологию включен ее журнальный вариант).

Вместе с тем важно отметить, что, хотя Л.Н.Толстой прожил всю свою жизнь в России, его внимание приковывали к себе акты варварства и несправедливости вне зависимости от того, где именно они происходили. Показательно в этой связи внимание Толстого к антиармянским погромам в Турции в середине 1890-х годов. Хотя до потрясшего мир геноцида армянского народа оставалось еще двадцать лет (и он произошел, когда самого Льва Толстого уже не было в живых), он еще в 1890-е годы писал о том, как тревожат его преследования армян в Турции. Беседуя зимой 1894 года с делегацией армянских студентов, посетившей его в Москве, Толстой расспрашивал их, верно ли, что существуют кружки и организации, которые ставят себе целью освобождение турецких армян.

Включенные в настоящий том статьи А.И.Шифмана, посвященные как эссе "Не могу молчать", так и сопереживанию Толстого армянской трагедии, способствуют укреплению образа великого писателя как крупного общественного деятеля-гуманиста, в центре мировоззрения которого стоял отдельный человек, каким бы беззащитным он ни был.

Заключительный раздел антологии посвящен теме, которая на протяжении более чем столетия привлекает особое внимание всех, кто пишет о Л.Н.Толстом, кто пытается понять зигзаги его судьбы. Эссе А.И.Шифмана "Трагедия ухода: семейная и духовная драма Льва Толстого" отличается тем, что анализирует события последних десяти дней Льва Николаевича в контексте всей его предшествующей жизни. Поскольку настоящий сборник избранных трудов этого видного литературоведа подготовлен так, чтобы хронологически они, насколько это возможно, выстраивались в единую канву, этот очерк естественно завершает книгу. Таким образом, на ее страницах освещены различные грани жизненного и творческого пути Л.Н.Толстого от тех дней, когда он только начинал свой путь как писатель, до последних минут его жизни.

Хотя Лев Толстой, несмотря на неоднократные номинации, так и не был удостоен

ни Нобелевской премии по литературе, ни Нобелевской премии мира, будучи условно достоин их обеих (этой теме А.И.Шифман также посвятил отдельную статью, включенную в настоящий том), он остается писателем, количество публикаций о котором больше, чем о любом из тех, кто эту премию получил. Важнейшие труды о нем написали люди, непосредственно его знавшие, как П.И.Бирюков, Н.Н.Гусев, В.Ф.Булгаков, Д.П.Маковицкий и другие, не говоря уже о супруге и детях Льва Николаевича, выпустивших сохраняющие свое значение книги о нем.

Однако масштаб и, если так можно выразиться, "магнетизм" личности Л.Н.Толстого столь велики, что о нем писали очень многие талантливые люди, историки и литературоведы, основная часть научной деятельности которых была посвящена совершенно другим темам: так, Б.С.Мейлах большую часть жизни занимался не толстоведением, а пушкинистикой и изучением творческого наследия поэтов-декабристов, а В.Б.Шкловский, автор большой книги о Л.Н.Толстом, изданной в серии "Жизнь замечательных людей", был интеллектуалом самого широкого профиля, писавшим о Пушкине и Достоевском, Максиме Горьком и Маяковском, не говоря уже о его многочисленных работах по теории литературы и истории кино. В отличие от них, А.И.Шифман посвятил изучению творческого наследия Л.Н.Толстого почти всю свою жизнь, начиная с самой первой работы, подготовленной им в Институте мировой литературы еще до начала Великой Отечественной войны, и до последних дней его научной деятельности полвека спустя. Имя А.И.Шифмана по праву находится в самом первом ряду мирового толстоведения. Очевидно, что за прошедшие с момента написания им своих трудов десятилетия изучавшие судьбу и творчество Л.Н.Толстого историки и литературоведы внесли ряд уточнений в выводы своих предшественников, среди которых был и А.И.Шифман, что, однако, ни в коей мере не умаляет значимости его и его современников публикаций. Именно так, от поколения к поколению, и переходит свеча, освещая путь прогресса науки.

Возвращение наиболее важных работ А.И.Шифмана современному читателю является благородным делом большого значения. Внимательно изучив его прижизненные книжные и журнальные публикации и ознакомившись с материалами из семейного архива, которые хранятся у живущей в Израиле родной сестры ученого, Полины Иосифовны Шифман, которой издатель и редакторы книги выражают искреннюю благодарность, и была подготовлена антология, включающая его наиболее важные и интересные работы.

Особой благодарности заслуживает издатель и меценат Александр Сергеевич Долуханов, благодаря глубокому заинтересованному участию которого и искреннему почитанию им толстовского наследия увидела свет эта книга. Убежден, что его движение и отношение к золотым страницам истории российской культуры и науки будет заслужено высоко оценено и современниками, и потомками.

Окончание. Начало на стр.1

Затем все ушли, а Лея осталась с матерью, потому что отца арестовали русские, затем литовцы, посчитав, что он - коммунист. И вот мать пошла то ли просить за отца, то ли за разрешением пересечь границу. А девочка осталась сторожить чемоданы. Одна на пустой снежной дороге, среди бесконечного поля... Ее пальцы окоченели. От этих полей веяло страхом. Но запомнила, что зверей не боялась. В восемь лет, в тот жуткий день одна, замерзшая среди снежных сугробов, она не зверей, а людей боялась. Так и осталась в ней навеки - страх перед одиночеством, покинутостью и злом людским... В ту ночь, когда мать, наконец, вернулась, у девочки начался жар, температура подскочила под сорок... Долго болела. Слишком многое довелось перенести, не по возрасту тяжкая ноша - отца пытали, в тюрьме несколько раз ставили к стенке, но не расстреляли. В том же 1919 году вернулись в Каунас. Отец не выдержал, нервы сдали, попал в лечебницу, возвращался, потом снова... С дочерью стал груб. Всю жизнь Лея боялась, не случится ли с ней нечто подобное: а вдруг передастся по наследству?

Но мы забежали вперед. Вернемся в самый ранний период ее жизни.

С самого рождения девочка поражала окружающих своей "взрослостью" - любознательностью, умом, памятью, любила играть словами. Заговорила она в восемь месяцев, а когда ей было полтора года, как вспоминала ее мать, и это записано в монографии поэта, ученика и друга поэтессы, Тувье Ривнера, произошел такой случай: заходит Ляля, как называли ее домашние, к соседке, а там сидит соседкин брат и читает газету. Ляля подошла к нему: "Ты что читаешь, газету? Ну, что слышно?". Читавший в недоумении поднял глаза: "Что вырастет из этого ребенка?" Он спросил это на иврите, чтобы дитя не поняло. "Ма йицмах?" - произнес он. "Цама", - почти срифмовала, я повторю, полуторагодовалая Лея. Цама - коса. Йицмах - цама... Коса у нее вырастет...

Рано начала писать стихи, причем на русском языке, хотя и дома, и все вокруг знали идиш, а ивритские слова вставляли, когда не хотели, чтобы ребенок понимал, но дитя-то было толковое. (Из нашего с братом детства: когда кто-то из родителей вместо "гелт", "деньги" на идише, говорил "моэс", мы их быстро раскусили, а в Израиле узнали, что "моэс" от "мэа, мэот" - "сто, сотни" на иврите). Во дворе соседями семьи Гольдберг оказались трое учителей той гимназии, в которую вскоре поступит Лея. Видимо, они не раз бывали свидетелями того, как девочка, завязывая бесконечные шнурки на своих высоких ботинках, какие тогда носили, что-то бормотала, нашептывала... Когда один из них спросил: "Что ты сказала?", думая, что не рассыпал ее обращения, она ответила: "Сочиняла, чтобы не умереть от скуки, стихи"... Наверно, поэтому на приемных экзаменах ее попросили прочесть не из классики, как других, а из своих стихов. Директор гимназии написал родителям письмо. Ваша, мол, дочь - ребенок необыкновенный и нуждается в особом воспитателе.

Лея Гольдберг в 16 лет

Многим она казалась странной, полгода сидела на уроках иврита как немая, и никто не знал, что с 10 лет вела дневник на иврите, а потом враз заговорила... В общем, и гимназические годы - не самая приятная пора жизни. Она чувствовала себя как голодный, попавший в среду сырную, в среду разодетых барышень. Ей мучительно было вставать по утрам, чтобы идти в гимназию. Но года через четыре произошла перемена - многие из ее сверстников, те, что так долго не принимали ее - обижали, задирали, смеялись над ней, отчужденно стоявшей на переменах в сторонке, лепечущей что-то, шевеля губами, вместо того чтобы бегать и дурачиться вместе с ними, - оценили ее, наконец, потому что ее сочинения были блестящими, кто-то, конечно, завидовал, но видели, что Ляля не кичилась своей образованностью, бескорыстно помогала слабым... Все выросли, появились подруги....

О Леи в детстве, хотя познакомились они уже в университете, любила рассказывать моя московская преподавательница Ида Марковна Дектор. Их знакомство состоялось в доме у общей подружки, пианистки Лизы Майзель (Кронзон), когда та приехала на каникулы из парижской "Сорбонны": "Я была на четвертом курсе, когда Ляля училась на первом, и мы обе в стоптанных туфлях прыгали через лужи, когда не ездили, а бегали давать частные уроки, зарабатывали - она на учебу в Берлине, а я - в Вене". В голосе ее всегда слышалась гордость за Лялю, как будто та была ее младшей сестричкой. Да, скромная гимнристка, потом студентка, Лея Гольдберг вынуждена была нянчить одних детей, учить других, но, проучившись сама всего два года в Каунасском университете, свою мечту учиться в Берлине, потом и в Бонне, осуществила.

Ида Марковна говорила чуть ревниво, но почтительно (не в Москве, конечно, а позже, в Израиле), что уже тогда, в Каунасе, интеллектуальный уровень Леи Гольдберг, ее цепкая память, сколько всего она знала наизусть ("Больше вас? - спрашивала. "О, да!" - отвечает), и интерес

к наукам (хотя впоследствии скажет, что математику не любила) всегда выделяли ее среди других. Ида Марковна произносит: "И эти огромные внимательные умные глаза" - и замолкает, как будто все еще вглядывается в них...

Глаза Леи пристально всматривались не только в мир, что вокруг, но точно также - и в себя, в свои чувства, ощущения - в свое "я". Стала писать и на иврите. Читала дни и ночи, сочиняла стихи, рассказы, пьесы. Однажды собрала написанное и торжественно предала земле, похоронила. "Я - не девица,лагающая стихи", - скажет она позднее об этой "церемонии" в "Письмах из мнимого путешествия", я - поэт. Мой стих - не замена украшению, не кокетство. Стихи - это стихи": "Они подошли ко мне / И мне приказали: пой. / И сказали мне: мы - слова. / Покорилась я, пела их".

Духовно она созрела очень рано. На уроке химии у директора гимназии Аарона Бермана, в седьмом классе, значит, когда ей 13-14, она читала тайком философский трактат Платона. Директор заметил, подошел. Девочка, поглощенная чтением, его приближения не заметила. Когда же он увидел, что именно прятет под крышкой парты его ученица, изумленный ее выбором и сосредоточенным вниманием к читаемому, на какую-то секунду остолбенел, потом наклонился и прошептал ей на ухо: зачем ты читаешь под партой, это вредно для зрения, положи книгу на парту. С тех пор - многие годы - продолжалась дружба между умным и тонким учителем и такой особенной, ни на кого не похожей ученицей.

Трудно представить, что в 14 лет она читает на немецком языке не только стихи и драмы Шиллера, но и его программный труд "Письма об эстетическом воспитании человека", и обсуждает этот труд в письме к подруге Мине Ландау. В поэзии ее вкусы менялись, хотя неизменной оставалась любовь к Ахматовой, например, в прозе же Чехов и Лев Толстой были ее гениями. Она где-то написала, что Чехова любит не столько как писателя, сколько как человека. В книге Г. Ярдени "16 бесед с

писателями" читаю слова Гольдберг: "В прозе я верна одной любви - Толстому, при том, что никто другой не подвергся у меня такому строгому экзамену, как он - после трех лет, в течение которых я переводила его "Войну и мир", я могу теперь прескокойно отложить эту книгу в сторону и начать читать ее сначала с тем же воодушевлением первого чтения. Впрочем, и Чехова я готова читать в любое время. И Достоевский мне интересен, но люблю я - Толстого". Да, именно Лея Гольдберг перевела на иврит "Войну и мир". Но и "Детство" Максима Горького, и рассказы Чехова, и "Сестры" и "Хмурое утро" Алексея Толстого, "Белеет парус одинокий" Валентина Катаева, переводила и М. Пришвина, и С. Маршака, и К. Чуковского.

Почему мы так подробно остановились на ее детстве? Лея Гольдберг сама постоянно возвращалась в мир детства, ранней юности, мир, который вольно или невольно воссоздавала, пытаясь вновь прочувствовать, вернуть, иногда перебороть, иногда - утешиться... Никогда не забывала ни красоты природы - русской, литовской, ни дисгармонии душевной от встречи с отталкивающим и отталкивавшим ее миром. Анна Ахматова сказала, что для поэтов имеет значение только прошлое, и детство - более всего остального.

Из дневника (в 16 лет, снова невозможно поверить, она подведет черту): "Можно жить, и любить, и оставаться одинокой. И это - моя судьба. Я вообще не способна любить человека, который любил бы меня. Потому что я - это я. Личное счастье для меня невозможным, но наряду с творчеством мотивом всей жизни называет любовь. Через много лет, в лекции о Данте, скажет, что любовь - это не только влюбленность между ним и нею, что сама по себе любовь - огромный человеческий мир, несущий в себе основу для великой поэзии. Беатриче - она, в сущности, дитя поэзии Данте, и его счастье в том, чтобы воспеть славу Беатриче (и это после того, как он присутствовал на ее свадьбе). Счастье - любить, а значит петь.

Печататься начала еще учась в гимназии и, конечно, в университетские годы, но по приезде в Берлин была удивлена, что и тамошний народ - интеллигенция, еврейские студенты знают ее имя и ее стихи, а вторично удивилась, когда в 1935 году приехала в Эрец-Исраэль: Авраам Шлионский торжественно преподнес ей изданный им к приезду поэтессы сборник стихов "Кольца дыма". Радостное удивление на ее лице вскоре сменили слезы: в книге так много опечаток! И все-таки в литературных кругах имя Леи Гольдберг было у всех на устах. С ней знакомились, задавали вопросы. А действительно, чем она занималась в Берлине? В Бонне? Изучала семитские языки, древние культуры, изучала театр, а Берлин в 30-е годы был мировой театральной столицей - это и Рейнхард, и Гранах, и Брехт, пластические искусства, ходила на лекции об истории искусств, к профессору Фишелью, изучала период Возрождения и Средневековье. Тема ее докторской диссертации звучала так: "Самаритянский пе-

Членский билет Лей Гольдберг
(Двухнедельное издание
ивритских писателей)

ревод Пятикнижия - исследование рукописных источников". Она сравнивала Тору и ее рукописные переводы - работа глубокая, требовавшая большой эрудиции и давшая ей много полезного для позднейшей лекторской деятельности. В Бонне получила степень доктора философии, вернулась в Каунас, а оттуда приехала жить и творить в Эрец-Исраэль.

Весной 1935 года, сразу по приезде в Тель-Авив, который в ту пору был всего лишь "малым" Тель-Авивом, она напишет - и почему-то по-русски: "Он дышал еще запахом нового дома / Нежилой пустотою закрытых окон, / Волшебством новизны, непонятно знакомой, / Точно дважды приснившийся сон. / Опоясанный морем и зноем, хранил он / Тайны раковин, залежи древней тоски, / И томимые жаждой, сбегали пески / На заброшенный берег, расписанный илом".

Начиналась счастливая новая жизнь в "королевстве иврита", к чему она стремилась с самого детства. Тель-Авив ей понравился, что-то "между Берлином и Ковно"! Но где работать? Печататься - пожалуйста, но платить мы тебе не сможем. Так и говорили: нечем! Газета "Давар" немножко платила. Взяли с радостью. Чем только в этой газете Лея не занималась: печатала стихи, очерки, рецензии на спектакли - и так семь лет подряд. Когда листаешь сегодня "Давар" тех лет, находишь и ее многочисленные переводы статей, причем с трех языков. Кроме того, открылся ее дар детской поэтессы и писательницы, и тут ей оказались подвластными все жанры - поэзия, проза, серии рифмованных приключений с продолжениями... А с детскими стихами ты уже настоящая знаменитость не только в литературной среде, тебя знают воспитательницы в детских садах, учителя, родители, дети... А деньги - слезы... Ничего, молодая. Утром преподавала иврит новым репатриантам, а вечером, в другом конце города, занималась с работавшими девушками. Устала? Да, немножко, но спешит не домой, а в одно из излюбленных кафе - прибежище поэтов и культурной богемы, где до глубокой ночи сидит с друзьями и коллегами... Кафе Рецкого, "Касит"... Она очень много курила. Ее изящный, длинный и тонкий мундштук стал знаменит, как палка Бялика и усы Черниховского. Когда начнутся боли в груди, в легких, напишет: "...Утро. Льет дождь. Не вставать. Может, боль станет глушше. / Кончилась ночь и теперь... Не было вовсе зари. / Утро, как ночь. Пусть уж так. Тишина только душит. / Как тяжела весна! Говорила тебе: не кури!" (Из стихотворения "О вреде курения", пер. А.Гомана).

Она безумно влюблялась и так же отчаянно страдала. Ее любовь всегда была обращена к людям старше, иногда много старше ее по возрасту. Чувства сильные, а любовь безответна, порой годами объект ее любви ни о чем не догадывался. Ни с кем не делилась, но записывала свои чувства и порою даже иронизировала над ними... "Я сегодня беру выходной у тоски, / У усталости, взрослости, у фолиантов, / что готовы словами ученых певантов / Поучать, что иные слова - пустяки. / Хорошо мне ответа не ждать на вопрос, / Как цветущее дерево это зовется? / Как молчание птиц в тишине отзовется? И откуда звезду эту ветер унес? / Может, я потерялась в словах, что близки, / И прекрасного больше в прекрасном не вижу? / Или, может, мне самое дальнее - ближе? / Я сегодня беру выходной у тоски" ("Выходной", пер. Я.Хромченко). Как искренне и глубоко.

В 1950 году получила приглашение на работу в Иерусалимский университет, где и проработала 20 лет, практически до конца жизни, преподавая литературу и сравнительное литературоведение. Ее учениками были Далия Равикович, Иехуда Амихай, Тувье Ривнер - все трое - талантливые поэты. Она много ездила за границу. Вообще любила уединяться. Мы говорили, что она сиживала с друзьями поздними вечерами в кафе "Касит", но в кафе "Пильц", с видом на море, она сидела обычно одна, в углу, курила, читала или писала. Формально была как будто в группе Шлионского и Альтермана, но очень скоро дала понять, что она "вместе", когда ей этого хочется. Большинство писали на актуальные темы, она в это "русле" не вошла, продолжая тематику лирической и философской поэзии. Хaim Беэр, известный писатель, видел, как Лея Гольдберг, с которой он ехал в одном автобусе из Иерусалима в Тель-Авив, сойдя с автобуса, пересела в другой - по обратному маршруту - в Иерусалим. Кто-то ему объяснил, что Лея Гольдберг любит движение, в нем рождаются и ритмы и рифмы... Он к ней не решился подойти.

К таким людям, которые смотрят и вроде слушают, а по сути погружены в себя, в свое, боязно подходить, заранее опасаешься отчужденности, на расстоянии чувствуешь, еще до стихов и первой фразы, бесконечную их одинокость... Поэзия была ее главной любовью, ей доверяла всю себя, поэтому мы знаем о ней самой так много. Но своему ученику, а потом и другу Тувье Ривнеру она писала письма, сейчас они опубликованы. а с экрана он рассказывает, как встречал ее в Иерусалиме, когда она возвращалась, опять же обычно одна, но счастливая, после прогулки в поле, всегда с букетиком полевых цветов или даже с одним цветком в руках.

В 1969 году заболела, но ее как будто вылечили, и она еще побывала в Швейцарии. По возвращении боли усилились и, лежа в кровати или полулежа, она разрисовала стену по всей ширине комнаты, кстати, рисованию она училась в детстве, и на это зарабатывала сама. Пишет, что особых успехов добилась в старших классах. Но иногда и в зрелом

возрасте сопровождала рисунками свои стихи. 9 июня 2007 года мне довелось побывать на вечере в "Рихтер-галлери", в Яффо, на вечере памяти Леи Гольдберг - поэта и художника, потому что все стены там были увешаны ее работами.

В 1981 году мы получили замечательный подарок, сборник переводов с иврита стихов израильских поэтесс "Я себя до конца рассказала" (составители - Ф. Гурфинкель и А.Белов, есть и репринт 1990 г.). Кто переводил тогда Лею Гольдберг? Т.Должанская, О.Файнгольд и А.Пэнн, Л.Владимирова и Я.Хромченко, Р.Баумволь, Э.Готесман, В.Глозман, Б. Камянов. Но в последнюю четверть века этот список расцвел (!) новыми именами. Перечислю тех, чьи переводы знаю: В. Лазарис, М.Яникова, А.Тарн, Г.Дана-Зингер, М.Луцкий, Е.Тамаркина, А.Гоман, Б. Шейхатович, М.Полыковский, С. Могилевский.

Мне дорого, что стихи Леи Гольдберг на самом деле почти всеми переводятся любовно, чудесным образом большинству передается горение ее сердца ... Первый сборник переводов Леи Гольдберг на русский язык я получила в 1989 году в подарок от Давиды Крол, автором сборника был ее друг Михаил Абугов. Сегодня есть книги переводов Адольфа Гомана, Алекса Терна, Мири Яниковой. И тут позволю себе процитировать Мири, которая точно и необыкновенно поэтично говорит об очень близком ей поэте: "Холодок пробегает по спине в тот момент, когда ощущаешь, что автор когда-то уловил в этом месте тоже самое, что сейчас слышишь ты, - и что тебе удалось точно "перевести" это его ощущение... Мир Леи Гольдберг очень высок и тонок. Мы должны принять его, как драгоценный дар поэта, благодаря которому и мы стали туда входи. В нем висят на ветвях деревьев звезды, и клетки с соловьями стоят на подоконниках, за которыми опять же - звезды. И за звездами ходят в лес с корзинкой, как за грибами..."

Уважаемый редактор, выберите из посыпанной мною подборки столько стихов, сколько сможете поместить...

Белые дни

пер. М.Яниковой

Эти белые дни так длинны -
будто солнца лучи.
Велико одиночество,
будто большой водоем.
В небо смотрит окно,
и широкое небо молчит.
И мосты перекинуты между
вчерашиным и завтрашим днем.
Мое сердце привыкло ко мне
и умерило пыл,
примирилось и стало
удары спокойней считать,
как младенец, что песню мурлычет
и глазки закрыл,
потому что уснула и петь
перестала усталая мать.
Как легко мне идти, мои белые дни,
на неслышный ваш зов!
Научились смеяться глаза,
не прося ни о чем,

и давно торопить перестали
тягучие стрелки часов.
Велики и прекрасны мосты
меж вчерашиним и завтрашим днем.

Быть может

пер. Е.Тамаркиной

Быть может, за окном уже весна в цвету.
Быть может, ты на улицу забрел не ту.
Быть может,
лопаются почки на ветвях.
Увы, не знаю я.
Уже забыла я.

Быть может, некто нечто уронил,
и вот -
Нам под ноги горячий шар плывет,
И небо брызжет смехом
в пляске искр огня,
И все дивятся чуду здесь средь бела дня;
И я сюда свой стих и сердце принесла?

Но ожиданий чаша опустошена,
Мне скрипка стала больше не слышна;
Твой чудный смех
меня трудно вспоминать;
И если вдруг ты стукнешь мне в окно,
Твой стук мне больше не узнатъ.

Быть может, плачет осень
за окном навзрыд.
Быть может, в одинокий ты
забрел тупик.
Быть может, листья лип
желтеют на ветвях.
Увы, не знаю я.
Уже забыла я.

В одну из годовщин смерти Леи Гольдберг (похоронена она в Иерусалиме, на кладбище Хар а-Менухот, что в районе Гиват-Шауль), когда жива еще была ее мать Цilia, друзья и почитатели поэтессы, как и ежегодно, принесли цветы на могилу. Когда все разошлись, мать осталась наедине со своими мыслями, своей памятью. Через некоторое время шофер, ждавший ее в отдалении, приблизился и сказал ей, одиноко стоявшей возле могилы: "Не надо грустить, Цilia. Мы живем, уходим и нас забывают. А твою дочь не забывают. Каждый день мы слышим ее стихи и песни по радио и по телевидению, читаем ее рассказы и даже маленькие дети знают ее наизусть..." Сказано давно, а живо и сегодня. Трепетную строфу в честь Леи написала другая поэтесса, Лия (Юлия) Владимирова: "Кипарисовая аллея, / Дальний смех, дальний оклик в потьмах, / Слово, сладостно легкое: Лея, / Словно лед, словно мед на губах...". Впрочем, судя по паспорту, по-литовски и Лея была записана Лией... Юле я не успела сказать об этом. Лея - библейское имя, нежное, напевное. А нам, чье детство и юность выпали на те места, которые до конца жизни помнила Лея Гольдберг, на ту поэзию, которую знала и любила и она, ее творчество особенно дорого. Потому, что понятно... Как в переводе М.Луцкого: "Здесь голоса кукушк не слыхать, / На дереве не сыщешь шапки снежной, / Но сосны источают запах прежний, / И в детство попадаю я опять..."

ИСААК, ЕВГЕНИЙ И СИМА

Евгений ТАРНОПОЛЬСКИЙ

Отца звали Исаак. Исаак Абрамович, если с отчеством. Не самое удачное сочетание, учитывая традиции страны, в которой Исаак жил.

В конце позапрошлого - начале прошлого веков в большом городе жил полный тезка Исаака Абрамовича - его дедушка, высокий худощавый человек с орлиным носом и пронизывающим быстрым взглядом. У него был магазин товаров для охоты и рыбной ловли. Дела шли неплохо, как вдруг... в 1905 году революционеры построили баррикады, а вооружились тем, что вынесли из магазина Исаака-дедушки (по несчастью магазин находился рядом с "новостройкой" борцов за "лучшее будущее").

Семья Исаака переехала в Полтаву, где и родился в 1918 году Исаак-внук. Шла красно-белая резня под названием "гражданская война". А вокруг роились, как мухи, бесчисленные банды. Объединяли этот сброд две вещи: склонность к грабежам и азартное пристрастие к молодецкой забаве под названием "еврейский погром", в связи с чем семья перебралась в Баку. Жизнь в Баку Исаак-внук всегда вспоминал с особым удовольствием. Доброжелательная атмосфера многонационального города, зеленые улицы, нэповское изобилие, незлое солнце - это было детство Исаака-младшего.

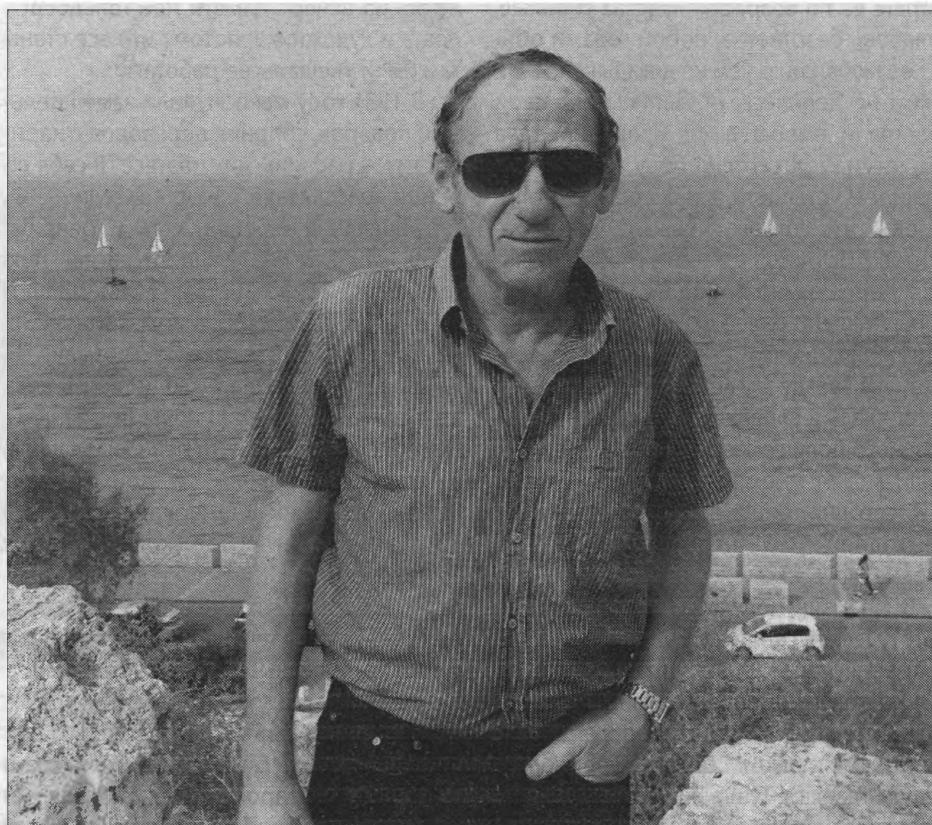
Дальше, к сожалению, все было не так радостно.

По какой причине семья вернулась в Полтаву - спросить уже не у кого.

Исаак-младший учился в университете. Однажды на комсомольском собрании сказал, что в свете неизбежной войны с Германией хорошо бы усовершенствовать вооружение. Особенно танки.

Шел 1937 год. Приехали за ним не сразу. Дня через три. Следователь сказал так: "Если ты подпишешь эти бумаги, то получишь свои десять лет и поедешь на свежий воздух в лагерь. Будешь упорствовать, тогда дело передадут другому следователю. Видел, каких приносят после допросов? Хочешь стать инвалидом? Ставь автограф, а то всю семью за собой потащишь". И Исаак подписал. Через десять лет освободился с пятилетним поражением в правах, что подразумевало в том числе запрет проживать в больших городах. Помотавшись года полтора, опять загремел в лагерь. Нарушение спортивного режима, еще какой-то бред. Всего на пять лет потянуло. Отбыл четыре. То ли по здоровью сактировали, то ли еще по какой причине освободили - неизвестно. А здоровье действительно было не ахти. После второго ареста "блестели законности" били сапогами по голове, пытаясь выбить 58-ю статью. Результат - отслойка сетчатки и слепота в конце жизни. Два отмороженных пальца и простреленная нога - это были уже "подарки с Колымы".

Вернувшись в большой город, Исаак неожиданно для себя женился на 32-лет-

ней школьной учительнице, засидевшейся в девках, по имени Сима. Исаак был в то время "завидным женихом". Невысокого роста, плохо одетый, с двумя судимостями, без работы и жилья. Но были и плюсы. Начитанный (когда успел?), с тонким чувством юмора, замечательный рассказчик. Из колымских приобретений умение виртуозно пользоваться ненормативной лексикой.

Разошлись они еще до рождения сына. Лет через восемь сделали попытку сойтись. Вечером Исаак пришел, а утром, облитый горячим чаем бывшей супругой, исчез из ее жизни навсегда. Бегом. После этого события в лексиконе Сими появилось выражение: "вылитый Исаак", что означало крайнюю степень презрения. Еще Исаак когда улыбался, был похож на одного известного артиста. Комментировала это Сима так: "Такой хороший артист, а как улыбнется..." - дальше шла изощренная нецензурщина (филолог, однако).

Тем временем сын Исаака из огненно-рыжего кудрявого красавца-малыша очень быстро превратился в низкорослого, обсыпанного веснушками, сексуально озабоченного подростка допризывного возраста. Чадо курило, ругалось матом, слушало вражеские голоса, антисоветчица Галича, увлекалось чужой западной рок-музыкой, читало запоем с пяти лет, а подросши, пило портвейн с такими же "отщепенцами". Звали сына Женя. Он редко виделся с отцом. Память сохранила лишь несколько эпизодов. А некоторые происшествия впечатались в память на всегда.

Было ему лет пять, и пошли они с папой в кино на какую-то муть из жизни "героических чекистов". Ребенок запутался в сюжете и спросил отца: "Это наси или фашисты?" Исаак ответил, скорее всего автоматически: "Это наши фашисты". Тут же осознал, что сказал, схватил дите в охапку - и ходу! А у ребенка в голове хаос. Так же

не бывает! Или - или! Вопрос "наси или фашисты" остался без ответа. Пока.

Еще вспоминалось вот что: в девятом классе он с двумя одноклассниками в чем-то провинился. Вера Андреевна, классный руководитель, подняла всех троих и обращаясь к Евгению, которого люто ненавидела, процедила: "Таких, как ты и твои друзья Блюгерман и Вайсфельд, не возьмут в космонавты!" Класс захотел. Вера Андреевна покраснела, а Вайсфельд задумчиво-грустно произнес: "И я даже знаю почему". Училка - к директору. Мол, сионисты в классе "В" окопались. При чем тут сионизм, знала, наверное, только она. В общем родителей - в школу. Не за сионизм, конечно (не весь же педсостав состоял из клинических идиотов), а за проступок, с которого все началось. И тут Женя повезло. Вера Андреевна заболела. Вместо нее с родителями должен был беседовать Матвей Юрьевич, учитель географии. (Его любили все. Во-первых, ниже тройки у него отметки не было. Во-вторых, его уроки были интереснейшими. География была чуть в стороне. Стоило его разговорить на любую тему, и урок превращался в театр одного актера. Казалось, он знал все. Если звенел звонок, а он недорассказал, то все оставались на местах.) И вот Матвей Юрьевич и Женя сидят после уроков впустом классе и ждут отца ученика. Заходит Исаак. Они узнают друг друга. Оказывается, вместе сидели на Колыме и в Якутии. Объятия, расспросы. Потом - пойдем выпьем. Про Женю забыли. Когда он подал голос, Исаак спросил учителя: "Что он натворил?" Географ махнул рукой: "Все нормально, хороший пацан... Иди, Женя, домой". Повезло!

Два года, проведенных в удмуртском стройбате, не прошли даром для Евгения. Это была "вишенка на торте". Мозаика сложилась окончательно. Надо было "подтя-

гиваться" в ОВИР. В военном билете Евгения на странице "военная специальность" было написано: "специалист строительных частей, землекоп-бетонщик". Продолжать эту завидную карьеру где-нибудь в Бостоне или Тель-Авиве желания у Евгения не было. Первая попытка "съехать" закончилась отказом с формулировкой "виду отсутствия прямого родства". Охоту к перемене мест подогревало еще одно обстоятельство. Там, где жил Женя, слово "еврей" звучало как обвинительное заключение.

Брат матери Евгения Зиновий был художником. Когда Евгений демобилизовался, он оформлял детский спектакль в кукольном театре. Часть труппы ехала на гастроли в Венгрию. Дядя передал через сестру (Евгений с дядей не общался), что театру требуется машинист сцены. Их там трое. Нужен четвертый. Двое поедут в Венгрию, а двое будут ездить с остатками труппы по пионерлагерям. Евгения в Венгрию, конечно же, не взяли. Увидев расстроенного парня, замдиректора, человек лет пятидесяти с грустными черными глазами, абсолютно лысый, одевавшийся в качественные шмотки из "Березки", завел юношу в свой кабинет и спросил: "Ты что, действительно рассчитывал поехать?". Евгений: "Я молодой, не пью, - (что было неправдой), - только что отслужил - возьмут". Замдиректора: "Твой дядя идеалист. Его выпускают в Болгарию, Польшу и ГДР потому, что он член партии, фронтовик и состоит в Союзе художников, а ты просто еврей. И я не еду по той же причине". Потом были еще похожие истории. Мелочи вроде, а раздражало. А в Венгрии Евгений все же побывал. Через 17 лет транзитом в Израиль.

В середине 60-х Исааку, как реабилитированному, дали квартиру. Собственно, это была не квартира, а комната в коммуналке. До этого он много лет жил на шестнадцати метрах со старухой-матерью. По пять-шесть месяцев в году ошивался в командировках. Дома было неуютно.

В новой квартире в соседи Исааку добрались семья Бурдыкиных. Пили все трое. Каждый день.

Выходя на пенсию, Исаак почти сразу разменял свою комнату на однокомнатную квартиру в живописном поселке на берегу реки. Сын стал чаще приезжать к нему, оставался на несколько дней. Они гуляли по лесу и говорили, говорили, говорили, наверстывая многолетнее отчуждение. У Исаака была фанатичная привязанность к Утесову и фильму "Веселые ребята". Фильм напоминал о счастливых временах в городе Баку, где он бегал на "Веселых ребят" еще и еще раз.

Дома у Исаака на стене висел портрет Утесова в цилиндре. А на противоположной стене фото Сталина. В гробу.

Умер Исаак, прожив, несмотря ни на что, долгую жизнь, так и не увидев внука. Фотографии, которые получал по почте из Израиля, рассмотреть уже не мог и просил свою вторую жену описать, как внук выглядит. Умирал тяжело, от рака легкого. А "Веселых ребят" можно теперь посмотреть в интернете, нажав всего на несколько клавиш. Не дожил. Жаль.

Сима закончила школу с золотой медалью. Девочка была влюблена в русскую литературу, участвовала в каких-то олимпиадах. И даже один раз была в Артеке. После возвращения в Полтаву, ее направили преподавать в школу на далекой окраине. На дорогу уходило часа три в оба конца. Подруги - сплошь учителя. Одна из них и познакомила Симу со своим родственником Исааком, "врагом народа", недавно освободившимся из тюрьмы. И Сима, несмотря на естественные опасения, дала согласие. Потом было замужество, развод и рождение сына. После развода Сима приобрела статус "мать-одиночка".

На горизонте опять появились подруги. Одна из них - Аня, низкорослая огненно-рыжая еврейка с непропорциональной фигурой. Это трудно было объяснить, но при всех этих "достоинствах" редкий мужчина не оборачивался ей вслед. У Ани был сын Марик на год старше Жени. Дети дружили. Потом жизнь их развернула. Марик женился, закончил институт и с маленьким ребенком, женой и родителями еще в 70-х отбыл в Израиль. Через шесть лет перебрался в Австралию. Уже без Гриши - отца Марика. Он умер в Израиле.

Гриша был двухметровый гигант, сильно пивший и лицом похожий на французского актера Фернанделя. Мастер был на все руки. Аня несколько раз пыталась с Гришой развестись, да так и не развелась. Потом Аня заболела, стала плохо ходить. А Гриша бросил пить еще в Союзе и ухаживал за ней как за ребенком.

Однажды после очередной ссоры Гриша ушел из дома месяца на три. Аня через короткое время привела друга Фиму, преподававшего физкультуру в школе, где учитывались Аня и Сима. Фима был коренастый, немногословный мужчина лет сорока с развитой мускулатурой. Как-то во время очередного визита Симы и Жени заявил Гриша. С чемоданом. А тут Фима. Начали с крика. Потом вышли на лестницу и стали друг друга бить. Удары были такими, после которых обычный человек умирает, не приходя в сознание. Продолжалась эта бойня минут десять и закончилась вничью. Поле битвы было залито кровью. Потом они пошли умываться. Вместе. Потом долго о чем-то тихо говорили на кухне. Потом ушли. Опять же вместе. Поздно вечером появился Гриша. Сильно пьяный и без Фимы. А через два дня "физкультурник" пришел за вещами. Развод опять не состоялся.

Еще одной подругой Симы была ее коллега Нина Евгеньевна. Она была старше Симы лет на двадцать пять и, уже давно на пенсии, подрабатывала частными уроками. Нина Евгеньевна была из аристократической семьи. Несмотря на возраст, сохранила прямую осанку, ходила с высоко поднятой головой и говорила четким русским языком с правильными ударениями. У нее был сын Шулик, склонный к полноте лысеющий увалень. Шулик получал пенсию по инвалидности. В детстве переболел менингитом и стал пациентом психиатров. Они всегда ходили вместе, Нина и Шулик. Оба любили кино и смо-

трели в день по два-три фильма. Шулик был безобиднейшее существо, всегда искренне радовавшееся приходу гостей. Муж Нины Евгеньевны погиб на фронте. Еще у нее был брат Рома. Рома жил в Риге и был адвокатом. Он заботился о сестре и племяннике, помогая им материально, и, раз в году приезжая, заваливал подарками.

Жили Нина Евгеньевна и Шулик в густонаселенной коммуналке. О дворянском происхождении Нины напоминали антикварные вещи, чудом уцелевшие во время войны. Фарфоровые сервизы, женские украшения, роскошный ковер, безделушки из позапрошлого века и даже мебель.

Позже, уже в 80-е годы, Нина заболела. И было ясно что ее смерть - вопрос ближайшего времени. Шулик был уже пожилым мужчиной. Что с ним будет, когда Нина уйдет? Рома давно умер. Родственников больше не было.

И тут появился Алик, толстый еврей лет сорока пяти и с бегающим, неуловимым взглядом. Он всегда что-то продавал. Джинсы, сапоги, билеты на концерты, фирменные сигареты и еще много чего.

Алик работал в старом цирке большого города на административной должности. Когда в городе построили новый цирк - унылое современное здание, то старый стал репетиционной ареной, куда съезжались цирковые звезды репетировать новые программы. Однажды в кабинет к Алику зашел известный дрессировщик и спросил: "Алик, вы когда-нибудь видели вблизи глаза голодного тигра? Нет? В следующий раз посмотрим вместе. Я вас, так и быть, возьму с собой в вольер". Сказано это было при свидетелях, так что Алик "вошел в историю". После этого разговора бедному Алику пришлось покупать мясо на рынке.

Каким-то образом Алик узнал об антиквариате Нины. Пообещал позаботиться о Шулике после ее смерти. А она ему за это завещает все имущество. Старуха согласилась. Вскоре она умерла, Алик быстро все распродал. А Шулика пристроил в "богадельню" для душевнобольных. Конечно же, бесплатную.

Однажды Симе предложили работу в вечерней школе в лагере строгого режима. Часов мало. Ставка чуть ли не полуторная. Далеко, правда. И опасно. Но она согласилась.

Мужчин в ее жизни после замужества почти не было. Относительно долго продолжалась ее связь с актером, которого ей "бросила" Нина Евгеньевна. Звали его Леня. Он поступал на актерский факультет театрального института, и ему нужен был репетитор перед экзаменами. Поступил. Они продолжали встречаться. Потом Леня уехал в другой город. Всего в часе езды поездом. Регулярно приглашал Симу на свои премьеры.

В лагере, где преподавала Сима, ей понравился заключенный. Он принимал активное участие в литературном кружке, который организовала Сима. Фамилия его была Басов. Он пел. Приязнь началась с песни "Бухенвальдский набат", исполн-

ненной им в концерте лагерной самодеятельности.

Лагерь был не пионерский, а строгого режима. Находились в нем люди, совершившие тяжкие преступления. Как правило, неоднократно судимые.

Однажды один из офицеров зазвал Симу в свой кабинет и, нарушив какие-то инструкции, показал ей дело Басова. Сима была в ужасе. И вскоре уволилась.

В стране началась агония под названием "перестройка". И заигрывавшему с Западом руководителю государства ничего не оставалось, как открыть выезд для евреев, немцев и граждан других национальностей, имевших "заграничные" корни.

То, что Евгений тут же засобирался в Израиль, было естественным продолжением биографии. А вот почему его дядя Зиновий Львович, будучи членом всяческих Союзов, выступавший на партсобраниях с осуждением "варварской сионистской агрессии" намылился туда же, как-то диссонировало. Хотя "профессиональный патриот" - это, похоже, диагноз.

Вот, например. Сослуживцем Евгения был некий Гроссман - писарь при штабе. Однажды почти весь рядовой и сержантский состав согнали в клуб, где он читал лекцию об "израильских захватчиках". Лекция была иллюстрирована картами Израиля до 1967-го года и после.

Было это в 1973 году и в Израиле шла очередная война. Гроссман гневно клеймил "сионистскую военщину" и от всего сердца сочувствовал "несчастному палестинскому народу", страдающему от оккупантов.

Через много лет, проходя по улице Алленби в Тель-Авиве, Евгений увидел знакомое лицо. Подошел: "Ты меня помнишь?" - "Нет. А что?" - "А 895-й ВСО в городе Глазове не забыл?" - "Еще бы! А ты кто?" - "А я твою лекцию об Израиле хорошо помню". - "Тогда было другое время".

Евгений повернулся и ушел не попрощавшись. Почему-то стало скучно.

Вылетали из Шереметьева-2 рейсом венгерской авиакомпании "Малев". Прямых рейсов тогда еще не было. На таможне чуть было не случилась крупная неприятность. Мягко говоря.

В СССР объявили об изъятии из обращения 50- и 100-рублевых купюр. В течении трех дней сберкассы их обменивали на менее крупные. Евгений и не думал идти в сберкассу. Каким образом он обменял деньги, нужно рассказывать отдельно и шепотом. Потом в Москве обменял рубли на доллары по невероятно высокому курсу через двух посредников (шел 1991 год, и статью УК за валютные операции никто не отменял). Мужчина, у которого были списки очереди на таможенный контроль, подошел к Евгению и спросил: "Это все ваши вещи? У меня перевес. Возьмите мой рюкзак, и я вас подвину в первую десятку. Я вижу, вы с мамой. Ей будет легче, если вы пройдете быстрее". Евгений согласился, предварительно взвесив рюкзак со своим багажом. Перевеса не было, но, когда проходили контроль, "зашкалило". Надо было платить. У них было 480 за-

декларированных немецких марок и 4500 "левых" долларов. Марки таможня не приняла (не было курса). И тут Сима произносит: "Женя, у тебя же есть доллары, заплати". Таможенник внимательно посмотрел Евгению в глаза, укоризненно покачал головой и сказал каким-то металлическим голосом: "Проходите". Евгению захотелось его обнять.

В Будапеште Сима наотрез отказалась лететь в Тель-Авив. "Я возвращаюсь домой!". Куда? Квартиру сдали, паспорта разрезали ножницами в ОВИРе. Гражданства нет. Но никакие аргументы не действовали. На шум пришли полицейские. Ни Сима, ни Евгений не говорили по-венгерски и по-английски. Через несколько минут появился сотрудник аэропорта, говорящий по-русски: "Куда летите?" - "В Израиль" (это Евгений). - "Что случилось?" - "Не хочу" (это Сима). - "Почему?" - "Хочу домой". - "Куда "домой"?" - "В Союз".

Мадьяр наклонился к Симе и как заорет ей в ухо: "Ты что, е..нутая?! Быстро в самолет!"

У Симы был нервный срыв. Евгений силой затащил ее в самолет, где она продолжала бушевать.

В Тель-Авиве весь рейс погрузили в автобусы и с максимальной скоростью повезли в гостиницу. Шла война в Персидском заливе, и Ирак обстреливал Израиль ракетами каждый вечер. Сима и Евгений пошли к себе в номер и сразу легли спать. Оба устали от приключений прошедшего дня. Через некоторое время завыла сирена, где-то поблизости раздался мощный взрыв. Сима, пробудившись, сказала: "Мерзавец, куда ты меня вытащил? От одной войны сбежала, так ты мне другую устроил?!" Утром многие пассажиры, летевшие тем же рейсом, спрашивали: "Ну, как твоя мама, успокоилась?"

Сима вскоре действительно успокоилась и прожила в Израиле семь лет. Лежит теперь на кладбище одного из южных городов. Пусть земля ей будет пухом.

Евгению много лет снятся похожие сны. Места и обстоятельства разные, а сюжет один. Он опаздывает. Ему очень нужно успеть. Только что был в Израиле, приблизительно представляя, где находится и как ему добраться, куда срочно надо. Но вот он заворачивает за угол (зачем?) и оказывается в большом городе. Евгений точно знает, что это большой город, но место совершенно незнакомое. И как отсюда выбираться - неясно. Спрашивает. Ему подсказывают. Он садится в транспорт и быстро понимает, что едет не туда. Пересадки, опять расспросы, возврат туда, откуда только что выехал. И все это происходит в двух местах одновременно. Он просыпается, так и не узнав, опоздал или все же успел. Мучительное сновидение.

ОБ АВТОРЕ: Родился 63 года назад в Харькове. Работал монтажником декораций, лаборантом, экспедитором, выездным фотографом.

Репатриировался в 1991-м.

В Израиле пополнил пеструю трудовую биографию.

Ян ТОПОРОВСКИЙ

Об этом письме Шолома-Алейхема мало кто помнит. Впрочем, даже не письмо, а ответ на просьбу г-на Иосифа Перпера, основателя и издателя журнала "Вегетарианское обозрение", который выходил в Киеве (а ранее в Кишиневе) написать о своем знакомстве со Львом Толстым. Но, несмотря на то, что Шолом-Алейхем сообщал, что не знаком с Толстым, все же его строчки увидели свет в первом номере "Вегетарианского обозрения" за 1911 год.

С колокольни нынешнего века кажется удивительным то, что известные писатели и журналисты сотрудничали с таким специфическим (узкопрофессиональным для того - и даже этого - времени) журналом, читателей которого можно было по пальцам пересчитать. Конечно, в современных изданиях о здоровье, можно найти советы и рецепты для любителей подобной еды, но авторы подобных текстов - диетологи, врачи, советы которых привлекают любителей здорового образа жизни, похудания, или подобного растительного пиршества, оставляя в стороне главное - идеиную суть вегетарианства, каким его видел Лев Толстой. Попробуйте сегодня отыскать журнал, который полностью был бы посвящен данной тематике, да к тому же в нем бы печатались авторы столь высокого ранга, как это было в "Вегетарианском обозрении"!

Забытый журнал

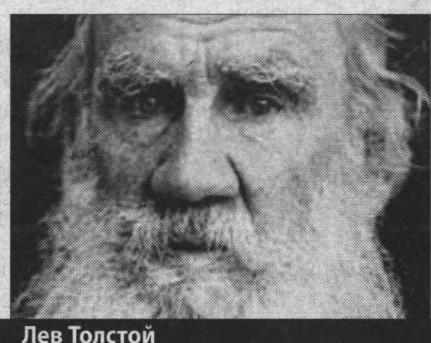
Издавался журнал с 1909 года. В письме к издателю Перперу от 26 января 1909 года Толстой хвалил первый выпуск и обещал: "Очень буду рад сотрудничать в нем, если будет случай". А Душан Маковицкий, врач семьи Толстого, оставил - 1 июня 1909 года - запись в дневнике, которая подтверждает встречу Льва Толстого и Иосифа Перпера в Ясной Поляне: "Сегодня был Перпер из Кишинева, издатель "Вегетарианского обозрения", 24-летний симпатичный, серьезный молодой еврей". И как еще одно подтверждение: уже в том же году, в шестом от 15 августа и седьмом от 15 сентября номерах журнала, вышли впечатления и распечатка разговоров И. Перпера с великим Л.Н.Толстым в Ясной Поляне, которые случились 1 и 3 июня 1909 года. Публикация называлась "У Льва Николаевича Толстого и его друзей".

Но вернемся к содержанию январского номера за 1911 год: Толстой (воспоминания и думы друга), С.Полтавский "Он жив!", Ю.Якубовский "Первое посещение Ясной поляны", письмо М.Мищенко к Л. Толстому, И.Перпер "1910 год", С.Перпер "Научные заметки о вегетарианстве", Р. Добржанский "Константин Моэс-Оскрагелло", А.С-кий "Птичья трагедия", Шолом-Алейхем "Письмо Шолом-Алейхема к Иосифу Перперу", Н.Северова "Юбиляр-вегетарианец. Неделя о Ясинском". "Старый вегетарианец" (этот рубрику вел брат Перпера, врач Самуил Перпер). Но мы остановимся на "Письме Шолом-Алейхема к И.П".

ЕВРЕЙСКИЙ АСПЕКТ "ВЕГЕТАРИАНСКОГО ОБОЗРЕНИЯ"

Шолом-Алейхем

Лев Толстой

Иосиф Перпер, 1913 г.

Письмо Шолом-Алейхема к И.П. "Ваше письмо, в котором Вы сообщаете, что собираетесь издать сборник мнений и воспоминаний о Толстом, к сожалению, застало меня в постели. Но не пугайтесь. Все это не слишком серьезно: я еще не умираю. В последнее время я о "последнем дне" думаю значительно чаще, нежели до сих пор, хотя мне до возраста, в котором умер Толстой, остается скрипеть целых тридцать лет и три года. Но от думы о смерти до приготовления себя к ней дистанция больших размеров. Будьте благонадежны: не одна еще невинная курица будет принесена в жертву за нас, не один

еще целомудренный теленок предаст Богу свою душу во имя бифштекса, который приказывает нам есть врач непременно с кровью; не один десяток, не одна сотня живых радостных рыбок трепеща будут умирать за идею, чтобы превратиться в консервы и соленья, которые мы так любим - не только из-за любви к этим милым, чистым, блестящим рыбкам, сколько потому, что они возбуждают наш аппетит..."

Дело, видите ли, в том, что раньше, чем мы приступаем к жаркому или грудинке теленка, нам необходимо проглотить пару таких рыбок. Так учит нас медицинский катехизис, а современная человеческая мораль с ним совершенно согласна... Вы меня простите. Я несколько отклонился в сторону. Это все же имеет (Вы хорошо это знаете) некоторое отношение к Толстому, да еще к "Вегетар. обозр.". Но Вы хотите, чтобы я писал Вам о Толстом. Боже великий!

Чтобы я писал о таком великане литературы! Чем я писал о таком Самсоне человечества?"

Забытый издатель

Несколько слов об издателе единственного на тот момент в Российской империи журнала о вегетарианстве. Первый штрих к его портрету набросал (как я уже писал выше) семейный врач Льва Толстого: "24-летний, симпатичный, серьезный молодой еврей". К этому сегодня можно добавить, что Иосиф Овшиевич (Иосифович) родился в 1886 году, в

словом, которое прозвучало бы от одного мира до другого.

Возможно, что я не беспристрастен к тем, которые мне кровно роднее, нежели другие. Возможно, что кроме моих единоверцев в этой стране живут еще немало миллионов людей, на долю которых приходится "не один только мед". Возможно... И все же это не то. Несчастье несчастью рознь. Все народы имеют своих заступников. Мой народ - никого и нигде. И именно "великие" мировой литературы не сккупились на создание и увековечивание евреев в образах карикатурных, которые утилизировались нашими врагами, как типы чистейшей воды.

Даже такой образец высокого гуманизма, как Шейлок Шекспира, истолковывается нашими ослепленными врагами в своих антисемитских целях, единственно как доказательство того, что все евреи кровожадны, что у каждого из них много денег и по красавице дочери. О, глупцы! Они не знают, что у большинства евреев очень мало денег, но много дочерей.

Так-то с Шекспиром. Не лучше и с новейшими мировыми писателями.

Диккенс. Великий юморист Чарльз Диккенс, с которым меня ошибочно сравнивала русская критика, когда ему пришлось описать настоящего вора, который основывает "институт для воров", не мог найти на своей родине никого, в ком он сумел бы воплотить этот образ, кроме еврея. Разумеется, было бы величайшей глупостью обвинять такую добрую душу, как Диккенс, в антисемитизме. Но возьмем, например, такого, невинного писателя, как Герберт Уэллс, который занят исключительно "мирами иными": Марсом и луной, звездами и их превращениями. И ему тоже не лень рисовать еврея, который собирает золото и драгоценности, оставленные человечеством, как ненужный хлам, в тот торжественный час, когда марсиане слетели к нам, чтобы уничтожить нашу греховную землю.

О наших русских гениях, как Гоголь, Тургенев, Достоевский, я говорить не стану. Они знали еврея так же, как - мне стыдно сказать - я знаю марсианина. Но даже такой милый человек, как Чехов, которому, как видно, все же приходилось присматриваться к евреям, делает в этом отношении подчас - да простит он мне - такие уморительные промахи, о которых нельзя вспоминать без смеха. Таковы были мои мысли в те минуты, когда я рвался к Яснополянскому Апостолу. Я не говорю, конечно, о том, что, как и многие из моих братьев, я был глубоким приверженцем его великого таланта и высокогуманного учения".

Забытые сообщества

Из-под пера Яснополянского Апостола вышла статья "Первая ступень" (1892), которую можно считать первым манифестом вегетарианства в России. И не успела статья (затем вышла отдельной книжицей) спланировать на греховную землю, как в Российской империи стали появляться вегетарианские сообщества: Санкт-Петербург (1901), Варшава (1903), Киев и Кишинев (1908), Москва (1909),

Обложка журнала
"Вегетарианское обозрение"

Вильно (1910), Минск (1911), Саратов, Полтава, Одесса, Ростов-на-Дону (1912), Харьков (1913), Житомир, Екатеринослав, Екатеринодар, Тюмень... А попутно - открывались столовые, в которых можно было поесть вегетарианской пищи. И, что самое интересное, во всех подобных заведениях висели портреты Льва Николаевича Толстого.

Великий писатель проповедовал не узкую проблему - что можно, а чего не следует есть, но главный принцип нравственности. Это подчеркивает Иосиф Перпер в статье "Лев Толстой как вегетарианец" ("Вегетарианское обозрение", №1, 1909): "Не только в "Первой ступени" выступает великий учитель проповедником вегетарианства, он выступает таким почти во всех своих произведениях. Со всех страниц, написанных им, веет словом и мыслью: "Не убий!". Мысль старая престарая, но новая и обновляемая великим учителем. Не самоубийство противостоит против убийства, а жизнь, действительность, являющиеся сами по себе, своим существованием, протестом против нарушения их жизненного процесса".

Письмо Шолом-Алейхема к И.П. (окончание)

"Я всегда думал, что его учение - наше учение - иудаистическое. Во многих и очень многих пунктах сошелся он, по моему разумению, с нашими мудрецами и святыми. Его постоянная и беспрерывная борьба "с духом зла", дьяволом искушения, его отказ от убийства, его великкая проповедь о любви ко всему живому, его искашение Бога, его последний уход и вечно присущее ему стремление уйти от самого себя, его

смерть и даже погребение - все так напоминает великих духовных героев наших иудейских сказаний.

Я глубоко верил, что при личном свидании мне будет легче передать этому великому художнику и мыслителю, что в огромном море несчастных людей, где каждый несчастен на свой лад, есть несколько миллионов страдальцев, которых постоянно высмеивают, унижают, у которых отняли все человеческие права и выставили на позор пред всем миром, которые ждут его сильного, мощного слова, как Мессию...

Я имел только случай письменно снестись с ним по поводу частного вопроса после первого большого "классического" Кишиневского погрома (1904 г.). На принципиально затронутый большой вопрос он ответил мне несколькими сильными строками. Одно из его писем ко мне было в свое время опубликовано, хотя и не целиком. Со времени Кишиневского погрома до сих пор мы, слава Богу, так далеко ушли, что нынешний момент едва ли своеобразен для опубликования этого письма...

Нет, я не удостоился знать Толстого лично. И со скорбью буду я думать об этом до последнего дня моей земной жизни. Очевидно, суждено, чтоб мы встрети-

лись где-то там, по ту сторону жизни; там, где будем надеяться - нет "ни черты оседлости, ни еврейского вопроса".

Только - пусть это свидание не так скоро состоится. Хочется, видите, еще немного помучиться здесь, посмотреть, что будет дальше...

Нервы.

Шолом-Алейхем"

А дальше было следующее

Журнал "Вегетарианское обозрение" прекратил выходить в 1915 году, "Московское вегетарианское общество" закрылось в 1930 году. Вегетарианские столовые (в 1904 году их было 10, а в 1914-м - 73) остались в прошлом, а само вегетарианство объявлено "врагом народа". ("Вегетарианство, основанное на ложных гипотезах и идеях, в СССР не имеет приверженцев", утверждала БСЭ), статью "Первая ступень" великого писателя старались не перепечатывать, а с ней предали забвению и толстовское понимание вегетарианства как мировоззрения, которое могло привести к коренным реформам в личной и общественной жизни в России - в стране уже бушевали кровавые процессы и далеко не растительная жизнь.

МАНИПУЛЯЦИИ ЕВРЕЙСТВОМ

Рав Ури СУПЕРФИН

Приятно принадлежать к группе успешных и красивых. Сияние наиболее видных членов тусовки распространяется и на менее успешных ее представителей. Да и сама принадлежность - в век девальвации отдельной личности - крайне востребована. Перефразируя известную поговорку, без компашки ты какашка, а в компашке - человек.

Евреем быть престижно: у нас уходящая за горизонт история, у нас тысяча представителей, о которых слышали миллиарды жителей планеты. Наше влияние на развитие человечества - непропорционально огромно.

Понятно, что с этого хочется поиметь навар.

Специфика европейской популярности в том, что у многих она вызывает раздражение. Поэтому вряд ли любой обладатель левантской наружности, представившись евреем, сможет рассчитывать на профит у девушки иной народности. Не говоря уж о своих. Зато в бизнесе бытность евреем - жирный плюс. Хотя и в эту среду уже давно проникло осознание, что евреи способны кинуть не хуже других. По-прежнему, в основном благодаря некоторым кинорежиссерам, образ бухгалтера-еврея не потерял свой нимб, но ведь и это дело времени. Сейчас вообще век информации, и имидж приобретает

ся и теряется в мгновение ока.

А вот к эзотерическому пока пытают уважение. Потому что не просчитывается по привычным схемам. Религия - верный источник дохода на ближайшие пару десятков лет. Что будет дальше, не знает никто. Лично знаком с некоторыми единоверцами, для которых ожидание мессии сродни ожиданию продавца обуви туземцам, когда же уже тайфун усеет колючками чертополоха окрестности (да, метафору стащил у О'Генри). Имидж еврейства, помноженный на стаж иудаизма, плодоносит на загляденье. И не только в европейской среде. Чем больше формализуем, придаем форму иудаизму, тем больше срубим ба-бла.

Особняком стоят редкие фанатики, неофиты и гнилые интеллектуалы типа меня. Хотя, кого я обманываю...

Так же как корпорации работают над развитием в массовом сознании связи "смысл жизни = товар икс", и им непросто, так и европейские организации и отдельные инициативные личности заинтересованы в установлении знака равенства между как можно большим количеством людей и иудаизмом. И в случае с религией это намного легче, чем тяжкий труд пиарщиков на ниве убеждения потенциальных клиентов, что без "пепси" жизнь сера и безвидна. (Написал "пепси", потому что они

проплатили, а вечные конкуренты - нет).

То, что нам втихомодействует, ярого сопротивления большинства русскоязычных евреев иудаизму, что, мол, это все происки дурного начала, все это чушь и самооправдание лузеров от кириша. Все было в коротких штанишках, не было опыта, методичек. Да и кто подвизался на ниве этого самого возвращения душ еврейских в полно синагоги? Выпускники МГУ, в иешивах не сидевшие. Интеллигенты и умнички, но плохо подготовленные в материале, который тем не менее рьяно преподавали. И, главное, не циничные. А потому обреченные на низкие показатели.

Господа! Создатели простых, как валенок, сект гребут сотни миллионов на свой личный счет! А ведь на их примитивные бредни ловятся уж совсем лохи!

А здесь - иудаизм! Это ж глыба какая! ...Просто уже до нас все поделили и разрешают нам играть только по их правилам и только на том пятаке, который они сами не могут (или просто лень) очищать. Да и то берут оброк за крышевание.

Понятно, что здесь все тоньше, это вам не сбацианная на коленке "Лига Спасителя Нашего, Верховного Ктулху". Здесь тебе и многовековая традиция, и расписанная как нигде в мире Поведенческий Кодекс. Но пытали-

ся и теряется в мгновение ока.

То, что нам втихомодействует, ярого сопротивления большинства русскоязычных евреев иудаизму, что, мол, это все происки дурного начала, все это чушь и самооправдание лузеров от кириша. Все было в коротких штанишках, не было опыта, методичек. Да и кто подвизался на ниве этого самого возвращения душ еврейских в полно синагоги? Выпускники МГУ, в иешивах не сидевшие. Интеллигенты и умнички, но плохо подготовленные в материале, который тем не менее рьяно преподавали. И, главное, не циничные. А потому обреченные на низкие показатели.

...И если кто подумал о "кошерных телефонах", то это исключительно на вашей совести, я примеров не приводил.

Техники рынка, техники пиара и влияния на умы - стремительно развиваются, а открытость информационным атакам все увеличивается даже в прежде весьма закрытых от внешнего влияния системах. И это уже камешек в огороде, кому важно, чтобы тема кошерных телефонов была высмеяна.

Это не мы, не я, не Мойше с соседней улицы; мы просто рефлексируем на вбросы. А вот то, что вбросы могут иметь и финансющую подоплеку, это всегда 50% вероятности. Потому что термин "выгодно" в пятидесяти процентах случаев является синонимом термина "доходно". Остальные 50% - это слава (пиар) и влияние.

Кто наваривает на иудаизме деньги, а кто известность и возможность влиять? Прежде всего,

организации. Организация обладает флером мейнстримности. У нее есть имидж исконности: кто настоящий иудаизм, тот мы. Это реально работает.

А одиночка, вякнувшая о профнепригодности винтиков Организации, немножко опасен, и авторитетное мнение Важного Болтика Организации сможет легитимизировать одиночку. Что повсеместно и происходит.

Если кто-то выразительно посмотрел в мою сторону, а не о себе ли я толкую, то это исключительно на его совести, я примеров не приводил.

И, внимание, я здесь не о самостоятельности мышления, с ним у нас, выходцев из СССР, было, есть и будет проблема, и не наша в том вина, я только о том, чтобы разделять мух от гефилте фиш. Там, где есть организация, обязаны быть интересы выгоды, иначе она развалится, и хорошим людям станет не на что покупать колбасу.

Поэтому, когда вы видите плакаты, объявления о мероприятиях и лекциях и т.п. от имени организации, вы должны цинично понимать: иудаизм там будет разбожженный. Ничего личного, джаст бизнес. Верность организации или личная посредственность - больше ценятся, чем талант. Какой смысл в его таланте, если он не готовлизать, что велят? Зато пиар серости (лектора, начинания, издания, книги, события) - в разы мощнее. И пипл хавает.

...Пипл - это мы, не надо тут гляза отводить.

Виктор РАДУЦКИЙ

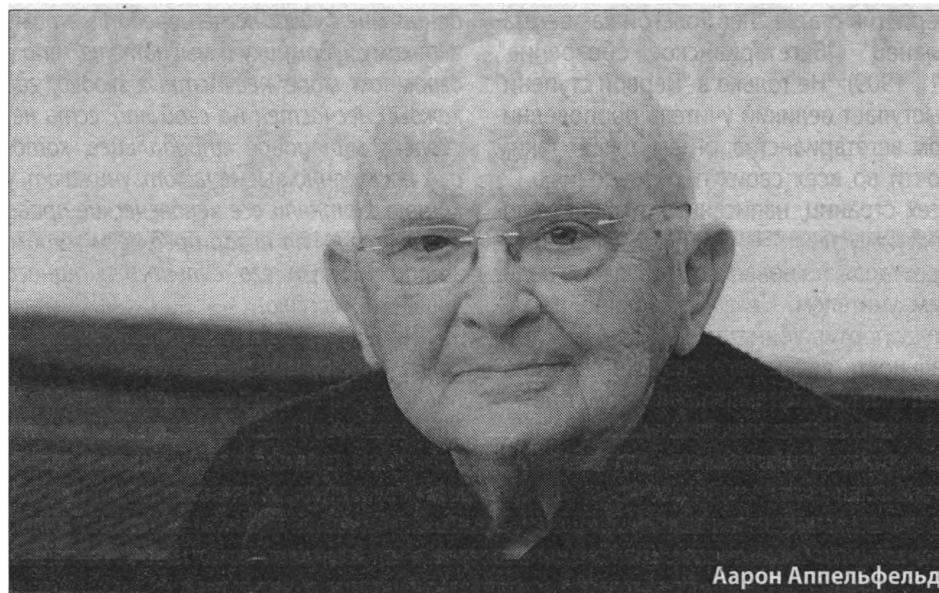
...Еще несколько недель тому назад я разговаривал с Аароном Аппельфельдом, моим дорогим, искренним другом, с которым я подружился около тридцати лет тому назад. Я сказал ему по телефону, что в ближайшее время на украинском языке выходят две его книжки - "Катерина" и "Цветы тьмы", а издательство, с которым я работаю, - выпускает книги в Черновцах, родном городе Аарона, о котором он в свое время мне говорил: "Мой родной город, - меня пытали, меня изгнавший, - ношу я в себе, как драгоценный клад, и не только потому, что отчий дом стоял там. И улицы, и деревья, и тротуары - все на своих местах, как и прежде, будто я никогда не покидал их. Все так знакомо, даже спустя пятьдесят лет, а в особые минуты - еще и так близко. Работа памяти скрыта от глаз, но вопреки желанию: мнет и месит тебя память..."

Аарон радовался, возвращаясь в Украину, он сказал мне об этом, когда в 1955 году в Киеве, в журнале "Всесвіт" напечатана была на украинском языке его "Катерина" (журнальный вариант), а теперь, через несколько месяцев выйдет в свет полностью. Русское издание "Катерины" вышло в Москве лишь спустя 12 лет, в 2007 году, а еще через четыре года Аарон, нежно поглаживая обложку украинского издания своего автобиографического романа "История жизни" (на украинском - с согласия Аарона - книга называется "Страницы моей жизни"), сказал: "Вот я снова вернулся в Украину...". Он туда возвращался не однажды: в 1998 году побывал в буковинском селе Стара Жадова, где родился 16 февраля 1932 года, а в 2012 году "назначил" меня уполномоченным по переписке с учениками и преподавателями школы села Стара Жадова, которые написали ему теплое письмо; они гордятся своим славным земляком.

Я перевел Аарону это письмо, он написал землякам, я вместе с письмом Аарона послал в село Стара Жадова книги Аарона на украинском.

Я познакомился с ним в конце 80-х годов прошлого века в Университете Негева им. Бен-Гуриона в Беэр-Шеве, где израильские писатели вели диалог с русскоязычными литераторами, журналистами, деятелями культуры. Израильскую литературу представляла когорта писателей самой высшей лиги, все - мировые знаменитости. Я же на этой встрече синхронно переводил выступления участников с иврита на русский и с русского на иврит. Все выступающие были превосходны: "новая жизнь", "новая - древняя культура", "радость и муки узнавания"... Но Аппельфельд говорил не так, как все - он говорил о Памяти. О том, что новые репатрианты должны помнить и дом, где они родились, и родной город, и близких; ведь только на прочном фундаменте этой глубинной памяти можно строить новую жизнь в новой стране. Он еще говорил, что "новый еврей - это фантазия, а истина проста: человек неразделим, без прошлого нет настоящего. Прошлое - это реактивное топливо; без него никто и ничто не сдвинется с места, а память - главный компонент этого топлива" И еще: "плавильный котел" - чушь, нельзя плавить челове-

ПРИОБЩЕНИЕ К ТАИНСТВУ

Аарон Аппельфельд

ка: человек - это все времена, прошлое, настоящее и будущее...". Я был потрясен. Аарон говорил последним, и я пулей вылетел из своей кабинки переводчика, подошел к писателю и попросил текст этой речи. Аарон внимательно посмотрел на меня, спросил, сколько лет я в Израиле, откуда приехал, грустно улыбнулся, узнав, что я из Киева, и украинский - как и русский, и идиш - один из языков моего детства, которые со мной навсегда...

- А что ты будешь делать с моим текстом?

Я ответил, что переведу и напечатаю в русскоязычной прессе Израиля. Так я и сделал, и с этого началось мое общение с писателем. Я полюбил его книги, но только четыре из написанных им сорока семи книг я перевел на русский, и только три на украинский язык. Кстати, последнюю свою сорок седьмую книгу Аарон выпустил летом 2017 года, книга называется "Изумление". Ирина, крестьянка, стала свидетельницей убийства, у нее на глаза убивают соседей-евреев, семью из четырех человек. И женщина покидает село, где она выросла, мужа-насильника, убегает от жутких воспоминаний, надеясь отыскать уголок, где бы не было насилия. Но, скитаясь по деревням, она убеждается, что ужас и насилие распространялись по всей округе, и память о мертвых и об убитых преследует не только ее. Ирина, оставившая свой дом, убегая от насилия, пускается в странствия, и Аарон как бы возвращается к тому, что чувствовал он, восемилетний мальчик, убегающий от убийц в лес, воспринимающий опасность, прежде всего, своим телом, а не только головой. "Изумление" - этот великий роман оказался завершающим в длинном ряду книг одного из великих писателей XX века, и теперь, с его уходом, это станет еще более очевидным не только современникам писателя, но и в восприятии потомков. Все книги Аарона Аппельфельда связаны друг с другом, все они, как говорил о них сам Аарон, "сага о моем жизненном пути, каждая из них - аспект моего бытия, тот или иной уголок моей жизни...". Для меня лично таким "уголком" был дом Аарона, где меня радушно встречали Аарон и его жена Юдит, задушевные беседы Аарона, когда он пере-

ходил на идиш, сладкий и певучий, а я засмолкал, слушая музыку его слов, и оба мы как бы погружались в воспоминания: он - о своем дедушке Меире Иосифе из деревни Стара Жадова, а я - о своем дедушке Янкеle и бабушке Фейге, живших в маленьком домике на Подоле, окраине Киева.

Огромную пищу для расспросов дал мне автобиографический роман "История жизни", который вышел только на украинском языке, и я надеюсь, что и на русском роман увидит свет. Над некоторыми страницами я просто плакал; а мой независимый литературный редактор Инна Иосифовна Шофман призналась, что не раз утирала слезы, читая этот роман. Мы вместе с мальчиком Аароном переживали страшные годы военного лихолетья, скитания, голод, страх, что в этом одиноком мальчике распознают еврея и убьют на месте, нелегкие годы врастания в жизнь на израильской земле, первые литературные успехи.

И в завершение - несколько цитат из Аарона Аппельфельда, записанные на магнитофон в ходе наших бесед. Почти все они опубликованы, но, быть может, не все их прочитали. Глубочайшим, мудрейшим человеком был Аарон Аппельфельд, о котором Игал Шварц, профессор Университета Негева в Беэр-Шеве и редактор большинства книг писателя сказал, что "Аппельфельд - Кафка второй половины ХХ века".

Виктор Радуцкий: Однажды ты сказал: "Стать писателем - это бросить вызов".

Аарон Аппельфельд: Быть писателем - это в определенной мере отшельничество, наложения на себя вериг воздержания. Ты прикован к словам, ты их шлифовщик и гравильщик. Ты выбираешь их из горстки алмазов, а обработав, помещаешь на нужное место. Как монахи упражняются в своих молитвах, не отвлекаясь на другие дела, так и работа со словами требует постоянной, ежедневной сосредоточенности, и в этом процессе нет у тебя помощников и подмастерьев. Партнеры писателя - это его читатели. А пока книга еще только пишется, ты всегда наедине с самим собой.

В.Р.: В автобиографической книге "Страницы моей жизни" ты, повествуя о

своих творческих исканий, говоришь: "Спасла меня русская литература: благодаря ей преодолел я препоны тумана и символов..."

А.А.: Я имею в виду свои встречи с Ф. Достоевским, Л.Толстым, А.Чеховым, Н. Лесковым, Н.Гоголем... Но начну издалека. Моими первыми пророками, у которых я хотел учиться, были Кафка и Камю. Как всякий начинающий ученик, я на первых уроках усвоил, главным образом, внешнее. Поймали меня и опутали мечты, сны, туманы, но я не видел, что туман Кафки сформирован подробнейшими описаниями, осаждаемыми и предельно точными, отнимающими у тумана его туманность. Вот тут-то и спасла меня русская литература! У русских писателей я узнал, что нет нужды в тумане и символах: действительность, если она описана верно, сама из себя извлекает символы: по сути каждый объект в определенной ситуации - символ. Великая русская литература, на мой взгляд, никогда не была экспериментальной, как, скажем, французская. Русские писатели, о которых я говорил, создали литературу, устремленную в трансцендентальность, среди ее героев, особенно мне близких и понятных, - старцы в монастырях, странники, преступники, мятущиеся души - те, кто обуян жаждой постичь непостижимое. И эти герои, люди из плоти и крови, в порыве к трансцендентальному максимально проявляют свою человеческую сущность. О русской литературе я скажу, что это подлинная религиозная литература, разумеется, не в клерикальном смысле. Все сказанное относится к литературе XIX века, к той литературе, которая меня "спасла", оказав огромнее влияние на мое становление как прозаика...

А детство - создает тебя. Этот пласт твоей души может быть иногда отодвинут он может видеться, есть одна особенность. даже в старости он бережет в себе ребенка. У ребенка особый взгляд на мир, в котором простодушие и бесхитростность сочетаются с глубокой любознательностью, желанием постичь окружающее, и мир предстает перед ними в своей мифологической первозданности и цельности. И писатель должен сохранить в себе такое восприятие мира. Великая литература есть стремление свести все времена в непрерывность современности. Потому она всегда современна. Уже в глубокой древности люди поняли, что подлинная литература - это описание того, что происходит в душах людских.

В.Р.: Вот я нашел у тебя такое определение: "Литература, если это настоящая литература, - религиозная мелодия, которую мы утратили; она вбирает в себя все слагающие веры: обращение к внутреннему миру, мелодию, прикосновение к тому, что скрыто в душе людской".

А.А.: По-моему, мы должны стремиться принести в мир внутреннюю музыку. Музыка - это чуть больше, чем язык, но и чуть меньше. Музыка связана с таинством. И писатель связан с неким таинством, он пытается приобщить к нему читателя, чтобы тот увидел мир чуть-чуть иным.

Аарон АППЕЛЬФЕЛЬД

Тут я вспомнила, что в длинные летние вечера евреи обычно приходили в деревню, развесивали свои товары, раскладывали их на самодельных прилавках. Были там даже прилавки с невиданными фруктами - финиками и фигами, прилавки с кремами, притираниями и благовониями, с домашней утварью, с мехами, которые носят в городе. В сумеречном свете летних ночей эти торговцы выглядели древними жрецами, которые волшебством оживляли разложенные перед ними вещи. Эту летнюю торговлю все называли "долгий еврейский базар". Они торговали всю ночь, и под утро цены падали вдвое. В такие ночи я не спала, и мать, зная об этом моем пристрастии, загоняла меня домой хворостиной. Но я все-таки исхитрялась украсть. Иногда - вместе с Марией, но чаще - одна. На летнем базаре все были опьяняны призрачным ночным светом, отблесками озера, воды которого завораживающе сияли. На том базаре можно было купить все: башмаки, туфли на высоких каблуках, бусы, ткани и даже прозрачные шелковые чулки. Но юной моей голове не дано было постичь чудо тех ночей. Страсть к воровству была сильнее всего, и все, что можно было украсть, я краала. Бедная Мария, во время нашей последней встречи на вокзале на шее ее были бусы, которые мы вместе стянули у евреев. И она уже в лучшем из миров, и только летний свет, этот вечный летний свет струится так же, как струился он испокон веков...

Я с трудом двинулась вперед. Ночь надо мной становилась все светлее. Меня мучила жажда. Голодные тюремные годы убили во мне чувство голода, но ощущение жажды - оно вечно. Я напилась воды из озера и впервые увидела свое лицо: не Катерину лугов и полей, и не Катерину железнодорожных вокзалов, и не ту Катерину, что служила у евреев. Мало волос осталось у Катерины, а лицо было худым и старым.

На некотором расстоянии, на склоне, мирно курился дымок над домами. Я знала, что все собрались за столом и хозяйка подает свиную грудинку, картошку и капусту. В длинные летние вечера трудно уснуть, даже младенцы в люльках не спят и ловят переливы ночного света. На миг позабыла я о грузе прожитых лет и окунулась в те, памятные мне с детства, мгновения покоя и добра.

Но это продолжалось недолго. Запах чего-то горящего коснулся моих ноздрей. Сначала мне показалось, что поднимается он от оврагов, где днем паслись коровы. Запах этот не был тяжелым, удущившим, он почему-то напомнил мне те гулянки на траве, что устраивали летом в рощах Мария и ее приятели. Парни, бывало, крали птицу в селе, забивали ее и жарили на угольях. Было мне тогда около двенадцати, и вид битой птицы, распростертой на горячих углях, очень пугал меня. Мария сердилась и нагоняла на меня еще большего страха: "Ты не должна бояться! Если ты так пугаешься мертвый птицы, то кто спасет тебя от рук убийцы?"

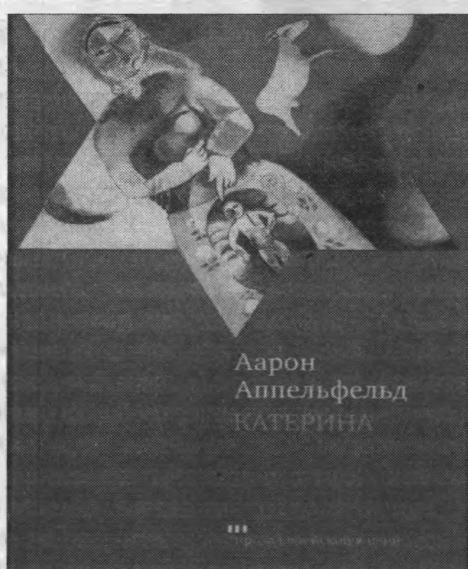
Страх, который испытывала я в те мгновения, словно вернулся ко мне, и я заставила себя двинуться вперед. Ноги мои от-

КАТЕРИНА

Аарон Аппельфельд (1932-2018), один из самых читаемых израильских авторов. Основная тема произведений Аппельфельда - непостижимость Холокоста, ужас слепой ненависти к евреям. Многие произведения писателя автобиографичны, в том числе и навеянный воспоминаниями детства роман "Катерина".

Это поразительная история украинской крестьянки. После смерти матери Катерина покидает родной дом и оказывается в услужении в еврейской семье. Оставаясь христианкой, она привязывается к окружающим ее людям, с ужасом видит, как гибнут они от погромов. Несправедливость и жестокость сородичей по отношению к еврейству приводят к тому, что своего единственного сына она старается воспитать в еврейской традиции. Потеряв сына, пережив тюрьму, на склоне лет она возвращается в свою деревню, где живет светлыми воспоминаниями о давно ушедших людях.

Роман выпущен в Москве в издательстве "Текст" в серии "Проза еврейской жизни". Мы публикуем два отрывка из него.

яжелели, но я шла, не спотыкаясь. Ночной свет стал более приглушенным, однако все вокруг было ясно видно. Луга стелились по склонам холмов, погруженных в голубизну.

Я чувствовала что-то необычное, но что - понять не могла.

Голова моя словно стала пустой, и с каждым шагом это ощущение пустоты все усиливалось. А еще я почувствовала сильное желание выпить: Долгие годы я не прикасалась к рюмке. То, что пили женщины в нашей тюрьме, было хуже помоев. Я вспомнила, что в свое время я пообещала Биньямину не пить, но сейчас я знала, что не сдержу своего обещания. Если вдруг появится крестьянин и протянет мне стакан, я вырву его из рук.

Так стояла я, вся во власти нахлынувшего желания, и тут распахнулись небеса, и горний свет залил голубые луга ослепительным сиянием. Я подняла голову и пала на колени.

- Катерина! - услышала я голос.

- Я - раба твоя, Господи, - ответила я тотчас.

- Сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая*.

Я сняла обувь, распростерлась на земле и закрыла глаза. Долгое время пролежала я, погруженная в себя, однако голос не прозвучал вновь, не заговорил со мной.

Когда я наконец подняла голову, то увидала, что неподалеку от меня стоят какие-то заброшенные развалины, вернее, две

стены рухнувшего дома. Пустые оконные проемы заливала свет.

- Что мне делать, Господи Боже мой? - произнесла я, сама не зная, о чем я говорю.

Небо не открылось вновь, но свет оставался ослепительным, и вслушивалась я изо всех сил. Приблизившись к развалинам, я увидела, что глаза не обманули меня: когда-то это был еврейский дом. На дверном косяке еще были видны следы мезузы - особого футляра, который приивается справа при входе в дом: в него вкладывается кусочек пергамента с написанной на нем молитвой. Все в доме - каждая полочка, каждый крючок - были вырваны с корнем, а то, чего не доделали руки человеческие, довершили ветры.

- Да возобновится жизнь в этом священном месте, - сказала я, переступив порог. Свет внутри был еще резче, чем снаружи. Я простерла руки, чтобы возвратить к Господу, Владыке небесному, но тут увидела, что жуткая сырость на руках исчезла и руки мои стали такими, как прежде: четыре коротких пальца и один большой - утолщенный.

Еще той ночью я застелила соломой пол в развалинах, что остались от еврейского дома и, о чудо, маленькая охапка соломы преобразила эти руины. Теперь я часами сижу и читаю Псалтирь. Чтение псалмов опьяняет меня, обостряет все мои чувства, и вскоре я ничего не вижу, кроме таинственной игры света.

Тем временем кончилось лето. Поля почернели, низкие облака стелились над полями. И я вдруг увидела евреев осени. Евреи осени были совсем особенными - одинокие, с длинными чемоданами в руках, шли они своей дорогой. Большинство из них были людьми высокого роста. Их можно было увидеть примостившимися под деревом или у колодца, а иногда - на деревенской окопице. Они сидели и пристальногляделись во все вокруг. Дети почему-то боялись их, а взрослые прогоняли, как прогоняют чужую лошадь.

Большую часть дня я провожу в разрушенном доме. Порою мне кажется, что вернулись мои далекие годы и я слышу голос матери: "Где ты? Почему не гонишь коров на пастбище? Время позднее". Иногда я ни-

чего не слышу, а только вижу: мать моя в коровнике, а отец у изгороди, присосался к бутылке, и холодная развратная улыбка блуждает по его лицу. А неподалеку - два его незаконных сына, какими я их однажды увидела: они теснятся на узкой телеге, два узника, возвращающиеся в тюрьму после тяжелого рабочего дня.

Осень становилась все ясней и прозрачней. Я постигла, что в мире больше нет евреев, и только во мне нашли они кратковременное убежище. Мысль эта наполнила меня внезапным страхом. Я вышла. По проселку, проходящему чуть выше, ехала телега, груженная сеном. Стоило крестьянам заметить меня, как замахали они руками и заорали:

- Вон она, вон чудовище!

Я вновь ощутила силу в руках и подняла голос:

- Злодеи! Подлецы! Среди вас жили древние священнослужители, хранители веры, красящие своими праздниками эти небеса. Среди вас жили торговцы, носившие в чемоданах своих благовония. Эти страдающие соплеменники Иисуса ходили среди нас, напоминая каждому, что есть и праведная жизнь. Мы ненавидели их, и не было границ нашей ненависти. Пользуясь любой возможностью, мы постоянно обворовывали их. Мы избивали их. О, как мы любили бить их! А зимой мы на них охотились. И так - из века в век. Не было предела нашей ненависти. А теперь мы убили их. Извели под корень. Но знайте - нет в деревне человека, который мог бы сказать: "Не мои руки пролили эту кровь".

Долгими часами бродила я вдоль ручьев. Во время дождя укрывалась в развалинах. Это были еврейские дома, где все было разорено, но мне они виделись храмами. Мне был знаком в них каждый уголок. Иногда я вдруг находила подсвечник или кубок, который наполняли вином во время субботней трапезы, и эти ритуальные предметы пробуждали память о праздниках - Песах и Шавуот.

Так ходила я от одного разрушенного дома к другому. Истина представляла предо мной во всей своей страшной наготе. Но именно здесь, среди этих чудом уцелевших предметов, евреи открылись мне неведомой до той поры стороной: они были тайными служителями Бога. Только здесь пришла ко мне решимость, и я захотела принадлежать к этому тайному племени. "Примите меня, - просила я. - Я не знаю, достойна ли я такой милости. У меня нет никого на всем белом свете - только вы. Я ничего не прошу, никаких поблажек, ни здесь, ни в лучшем из миров, только бы быть близкой вам. С тех пор как я встретилась с вами в первый раз, я полюбила вас. Я люблю вас такими, какие вы есть. Ни один из ваших повседневных обычая не вызывает у меня неприятия, ни одно ваше движение. Я люблю ваши обычаи такими, какими они сложились, без желания изменить что-либо. Если мне будет дозволено пребывать среди вас, я буду в ладу с самой собой. Я умею варить, шить, убирать двор, приносить продукты с базара, я уже не молода, но могу исполнять любую работу, ведь вы меня знаете".

Перевод с иврита Виктора Радуцкого

* Исход, 3,5.

"РАЗРАВНИВАЮТ ГРАБЛИ ПАШНЮ ЛЕТ"

Три четверти века назад, в конце февраля 1943 года, в Освенцим была депортирована немецкая поэтесса еврейского происхождения Гертруда Кольмар. Была ли она убита сразу по прибытию в лагерь или ее повели на смерть некоторое время спустя, доподлинно неизвестно.

А родилась Гертруда Кэти Ходцинер - таковы полное ее имя и настоящая фамилия - 10 декабря 1894 года в Берлине, в еврейской семье адвоката Людвига Ходцинера и его супруги Элизы, в девичестве - Шенфлис. Будущий литераторросла в квартале Шарлоттенбург, получив начальное образование в нескольких частных школах. Последнее из учебных заведений, которое посещала Гертруда, располагалось под Лейпцигом. Она выучила несколько языков - английский, французский и русский, занявшись преподавательской и воспитательной деятельностью. У молоденькой девушки вспыхнул роман с немцем-офицером Карлом Иоделем. От него Гертруда забеременела, но по настоянию родителей, всячески противившихся этой любовной связи, сделала аборт. В последние два года Первой мировой войны Гертруда привлекалась на работу в качестве переводчицы и цензора писем в лагере Дёбериц, недалеко от Берлина, где содержались попавшие в плен солдаты иностранных армий, с которыми воевала Германия.

Еще в детстве у Гертруды пробудились литературные способности, и в 1917 году увидел свет первый ее поэтический сборник "Gedichte" ("Стихотворения"), опубликованный под псевдонимом Гертруда Кольмар - по немецкому названию города, откуда происходила семья автора.

В послевоенное время Гертруда была гувернанткой в нескольких состоятельных берлинских семьях, потом некоторое время занималась обучением инвалидов в Гамбурге. В 1928 году побывала в Дижоне, где совершенствовала знание французского языка и навыки переводческого труда. Но в следующем году, в связи с ухудшением здоровья матери, вернулась в отчий дом и заботилась о ней вплоть до ее ухода из жизни. После смерти матери Гертруда выполняла обязанности секретаря в адвокатской конторе отца, отдавая все свободное время творческим исканиям. Ее произведения стали появляться во многих периодических изданиях, вызывая читательский интерес и позитивные отзывы критиков. Были изданы еще два ее сборника, причем третий по счету - у еврейского книгоиздателя. Но после "Хрустальной ночи" в ноябре 1938 года члены семьи Гертруды, как и другие еврейские семейства, проснулись уже в другой Германии. Вскоре отец поэтессы вынужден был продать свой дом в пригороде Берлина Финкенкруг, названный Гертрудой "потерянным раем", и они переселились в жилой многоквартирный дом под названием Judenhaus в другом пригороде столицы - Шенеберг. Нацисты изъяли и предали огню тираж упомянутой выше, последней по счету книги Кольмар. С июля 1941 года Гертруду мобилизовали на принудительную работу в цехе одного из предприятий немецкой военной промышленности. Ее отец был депортирован в сентябре 1942 года в Терезин, там и умер. Трагически сложилась и судьба дочери. В феврале 43-го нацисты провели на предприятии, где трудилась Гертруда, карательный рейд, и она, в числе еще нескольких рабочих, была арестована и превратилась в горстку пепла в лагере смерти.

Гертруда Кольмар не оставила после себя потомства, только прозу и стихи. Интерес к ее гуманистическому по своей направленности творчеству возник в послевоенные годы и продолжает сохраняться в наши дни. Впервые полное собрание ее стихов обрело вид сборника в 1955 году. В книгу вошел и цикл стихотворений, посвященных Французской революции. По мнению литературного критика "Южногерманской газеты" Буркхарта Мюллера, "неповторимость кольмаровского стиля кроется в удивительной способности стирать границы между читателем, автором и стихотворной тканью, превращающей каждое произведение в связующее звено между "дающим" и "берущим".

Мюллер убежден: Гертрудой Кольмар написаны одни из самых прекрасных стихов XX века. В послесловии к изданию поэтических произведений Гертруды Кольмар его автор Джейкоб Пикард назвал Гертруду "одной из важнейших поэтесс во всей немецкой литературе" и "самой большой европейской поэтессой из когда-либо живших и творивших". Такой же точки зрения придерживается и другой обозреватель Патрик Бриджуотер, основывая свое суждение на глубоком анализе созданных Гертрудой Кольмар поэтических образов и стихотворных форм, пронизанных, как он особо подчеркивает, "страстной целостностью".

Гертруда Кольмар по материнской линии приходилась двоюродной сестрой философу и теоретику культуры Вальтеру Беньямину, но о ней, к великому сожалению, известно, в отличие от Вальтера, совсем немного. В феврале 1993 года в Шарлоттенбурге на стене дома, где она жила, была установлена мемориальная доска. Имя Гертруды Кольмар присвоено одной из берлинских улиц, которая проходит, в частности, и там, где располагалась рейхсканцелярия Адольфа Гитлера.

Лишь небольшая часть стихов Гертруды Кольмар переведена на русский язык. А вот наиболее известные афористические ее строки:

*"Все, что нами всуе предаётся,
Нас самих потом предаст забвению."*

Из поэтического наследия Гертруды Кольмар

"Дети дружат с каждой звездой..."

Дети дружат с каждой звездой,
Дети могут даже спрятать солнце,
Дети просят злой и долгий дождик
Пожалеть их, выпустить на волю.

Поясок у звезд я попросила,
А у солнца - красную корону,
Говорила я со злой любовью,
Признавалась, что хочу на волю.

Крупный жемчуг мне снизали звезды,

Шапочку мне солнце подарило,
А любовь меня и не слыхала,
И была, как дождь, неумолима.

Перевод Г.Ратхауха

Большой фейерверк

Большой сегодня вспыхнул фейерверк.
И сотни ярких звезд, что к небу рвались,
В силки кромешной темени попались.
А ночь долгая.

Я, прислонившись к дереву, стою.
Искрится пруд. И кажется, что снова
Я вижу капли ливня золотого.
А ночь долгая.

Я в легком платье. И меня знобит.
И лепестки цветов по тихой глади
Легко плывут, как розовые пряди.
А ночь долгая.

Я сяду на скамью. Сожмусь в комок.
И слышно мне, как тихо прошуршала
Змея в траве и вытянула жало.
А ночь долгая.

Мне рук окоченевших не согреть.
Из черноты проступят на мгновенье
Причудливые, странные растенья.
А ночь долгая.

Сомкнулись веки, а на дне глазниц
Зеленый и багровый цвет таится,
И бликов солнечных мелькает колесница.
А ночь долгая.

Уже давно закончен фейерверк.
Протяжный бой часов меня разбудит.
Напомнит мне, что вперед тебя не будет.
Ты не придешь.

Перевод И.Грицкой

Заброшенная

Не ждала такого запустенья.
Смотрят вещи на меня сурово.
Ощетиняясь от прикосновенья,
Печь ладони мне спалить готова.

Кресло на пол старый плащ швырнуло.
До чего же окна мутноглазы.
Исподлобья на меня взглянула
Мертвая сирень из темной вазы.

Стол, и стул, и коврик, тот, что вышил
Мною был старательно когда-то,
Шкаф в углу - и он враждою дышит,
Словно я пред всеми виновата.

И любой предмет меня дичится.
Вещи говорят: "Ты здесь чужая".
Зеркало поблекшее бранится,
Отраженье в злости искаjая.

И клубок лиловой шерсти рвется
Вон из рук назло повиновенью.
...Все, что нами всуе предается,
Нас самих потом предаст забвению.